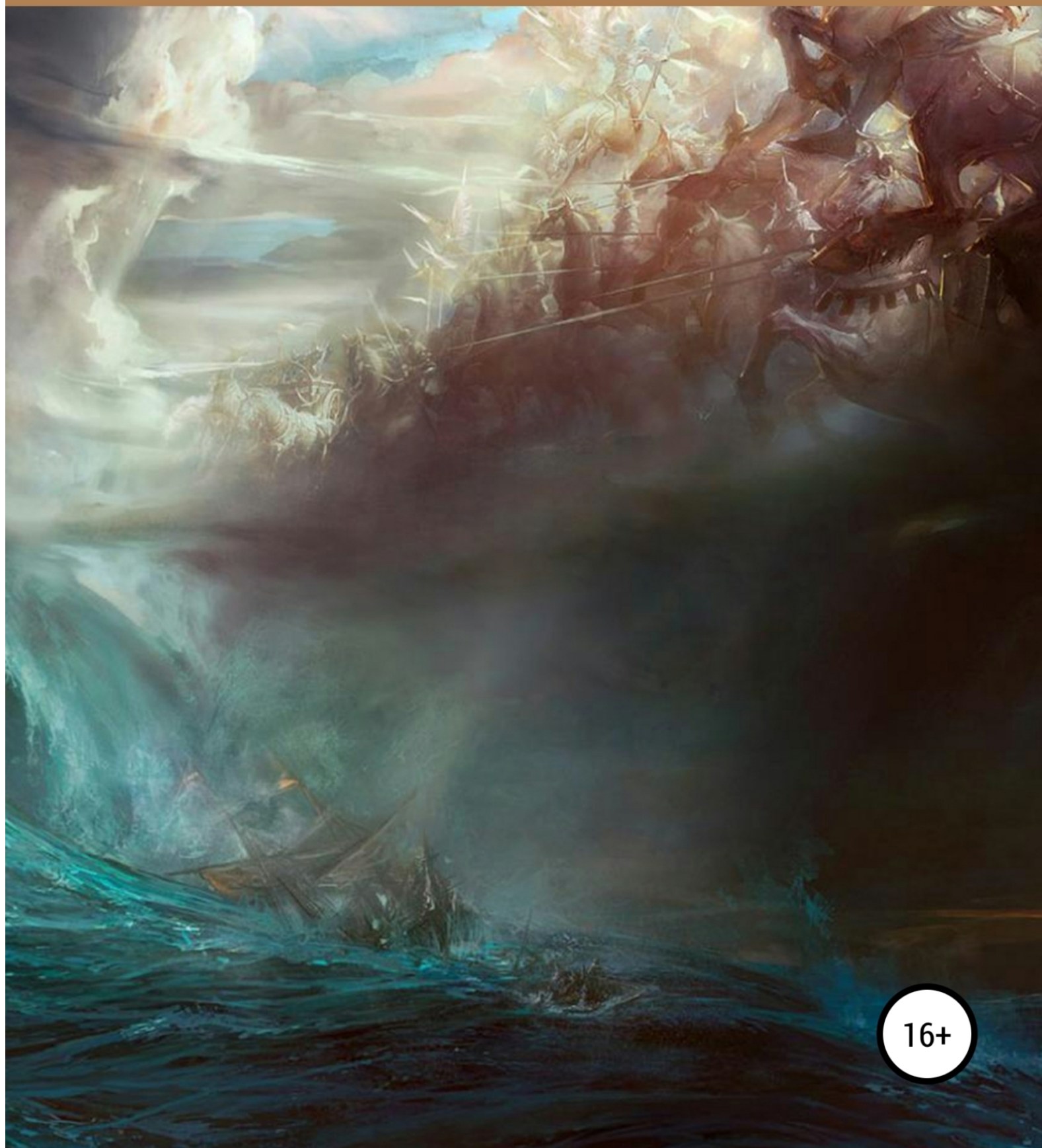


Максим Макаренков

# Стражи. Боги холода



16+

Максим Макаренков  
**Стражи. Боги холода**

«Автор»

2009

**Макаренков М. А.**

Стражи. Боги холода / М. А. Макаренков — «Автор», 2009

Жестокие древние боги, от которых отреклось человечество, не исчезли. Они внимательно наблюдают за нашим миром, ожидая тех, кто поможет им вернуться и получить былое могущество. В этот момент Земля погрузится в пучину кровавого хаоса... Но всегда есть те, кто встанет на защиту людей. Пусть их мало, пусть силы неравны. Но они готовы пожертвовать всем и надеются только на себя и верных друзей. Их называют Стражи.

© Макаренков М. А., 2009

© Автор, 2009

# Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# Максим Макаренков

## Стражи. Боги холода

### Пролог

Коренастый широколицый человек в темном мятом костюме бежал по прозрачной трубе Ростовского пешеходного моста, протянувшегося над рекой Москвой.

Взбегая по лестнице к мосту, он поскользнулся и приложился коленом к острой кромке ступеньки. Послышался противный хруст, после чего человек бежал, хромая все сильнее с каждым шагом.

Снаружи смотрела на него миллионами равнодушных глаз апрельская ночь.

Человек оглянулся на бегу – лампы за его спиной гасли, словно некая, невидимая глазу, субстанция вытягивала свет из окружающего мира.

Бегущий повернулся и, скрестив перед собой руки со сжатыми кулаками, выкрикнул в сгущающуюся, несущуюся ему навстречу, тьму, короткое слово, разнесшееся громовыми раскатами. Обвивающий левое запястье человека браслет налился серебристым сиянием, и с него сорвалась молния, изогнутым клинком распоровшая наползающую темноту.

Непроглядно-черные кольца сжались, отпрянули, и человек побежал снова, стараясь воспользоваться каждым мгновением передышки.

Короткая схватка измотала его, дыхание со свистом вырывалось сквозь сжатые зубы, по лицу текли крупные капли холодного пота. Он чувствовал, что и по ноге текут струйки – кровоточило рассаженное колено.

– Хорошо, хоть, не сломал, – подумал он мимолетно, и услышал позади тихий треск. Не было времени оглядываться, но предчувствие новой беды сжало сердце.

Уже маячил впереди выход с моста. Сбежать по ступеням, а там – пересечь узкую дорожку спуска к набережной, и затеряться в узких переулках и старых дворах.

Даже тем, кто его преследует, будет непросто найти свою добычу.

Он все же глянул через плечо, глаза расширились от ужаса.

С тихим льдистым потрескиванием прозрачную крышу моста затягивал морозный узор, какой появляется на окнах посреди зимы. Тьма одним прыжком вернула себе с таким трудом отвоеванное человеком пространство и из непроглядно-черного зева с воем вырвался ледяной, несущий запах холодной крови и разлагающегося мяса, ветер.

Первый порыв заставил беглеца замахать руками, он отчаянно пытался сохранить равновесие, выиграть еще несколько секунд.

Усталое, но хорошо тренированное тело само нашло наилучшее решение. Когда в спину ударил следующий порыв, человек отчаянно прыгнул вперед, вцепился в перила лестницы и заскользил по ним вниз.

Над мостом стремительно вырос столб черного дыма. Словно живое существо, он устремился вперед, сопровождаемый завыванием ледяного ветра.

Возможно, коренастому удалось бы уйти, но подвела разбитая нога. На кромке тротуара он споткнулся, кубарем вылетел на мостовую, перекувырнулся через плечо, и со стоном встал.

Порыв ветра поднял в воздух осколок разбитой пивной бутылки и метнул его вперед, туда, где поднималась темная фигура.

Человек почувствовал, как что-то больно чиркнуло по горлу, и в воздух ударил фонтанчик крови из рассеченной артерии. Зажимая рану, раненый сделал шаг. Другой.

Дворы уже совсем рядом.

Дойти.

Хотя бы на несколько минут оказаться в одиночестве, и написать кровью где-нибудь рядом с собой имя, которое все объяснит.

Если это имя увидит Кёлер – поймет.

В спину ударил упругий кулак ветра, человек упал на колени.

Сильно кружилась голова.

Он приляжет всего на минутку. А потом встанет, и пойдет дальше. И обязательно доберется до...

Руки задрожали, подогнулись, не в силах выдерживать вес тела.

Да. Надо поспать.

Он все же дополз до тротуара. Положил голову на вытянутую руку, и затих.

## Глава 1

К концу фильма Аня постоянно вытирала слезы, хлюпала носом и деликатно сморкалась. А когда не сморкалась, мяла в руках носовой платок.

Таня стискивала зубы, и напоминала, что Анька – ее лучшая подруга, еще со школьных времен несущая тяжкое бремя общения с ней – Татьяной Бересневой, рыжей язвой и потомственным циником.

В один из наиболее душещипательных моментов сзади заржали, хрустя попкорном. Пришлось обернуться и вперить мрачный взгляд в компанию юнцов.

Юнцы затихли.

Последние пять минут Таня вертелась в кресле, закидывала ногу на ногу, смотрела на часы...

Все! Состоялся затяжной поцелуй в диафрагму и, счастливая наплакавшаяся Аня двинулась к выходу. Татьяна плелась следом, стараясь не наступать на рассыпанный попкорн и оставленные у кресел стаканчики из-под колы.

Наконец, вырвались на улицу. Блаженно вдохнули весенний воздух. Пусть и городской – намертво пропахший пылью и бензином, но весенний – пьянящий, заставляющий замирать сердце и с затаенной тоской смотреть на луну. В этом году апрель решительно опроверг все мыслимые предсказания и вынудил Татьяну в рытье в коробках с обувью и шкафу, куда были упакованы летние вещи. Почти плюс двадцать на второй неделе – это, знаете ли, ни в какие ворота не лезет, – бурчала она, стараясь удержать упорно вываливающуюся с верхней полки коробку с кроссовками, но в глубине души радовалась неожиданному теплу.

Аня снова блаженно хлюпнула носом:

– Все-таки до чего трогательно. Побольше! Побольше таких фильмов надо!

Застегивая молнию короткой куртки, Таня с улыбкой смотрела на подругу. В тридцать лет Аня ухитрялась сочетать качества совершенно несочетаемые: стальную деловую хватку со слезливой сентиментальностью, убежденность в том, что «все мужики козлы» с совершенно беззаветной любовью к мужу. Татьяну она считала человеком к жизни абсолютно неприспособленным, а потому жалела и опекала.

Таня посмеивалась и охотно разрешала подруге хлопотать. Ее искренне интересовало, когда же она перестанет выдавать ее замуж. Но Аня была человеком упорным и надежды не теряла.

Сегодня, правда, Тане удалось уболтать ее сходить в кино вдвоем, без очередного молодого человека, который «такая умница, хорошо зарабатывает и обязательно тебе понравится».

Вздыхнув, Аня промокнула платком глаза и полезла в сумочку за пудреницей.

– Может, посидим еще, чайку попьем? – предложила она, убирая черный кругляш в сумку.

Татьяна глянула на часы:

– Увы. Прости, но я побегу. Хочу еще черновик статьи просмотреть.

– У-у-у, деловая. Ладно, тогда я тоже побежала! – надула губки Аня, звонко чмокнула воздух около уха подруги, и зацокала к припаркованному неподалеку «Ниссану».

А Татьяна неторопливо направилась к метро. Езду по Москве на автомобиле она искренне считала развлечением для мазохистов, к тому же, в метро можно спокойно почитать, или понаблюдать за окружающими. Занятие не всегда приятное, но чертовски увлекательное.

И еще один плюс: от «Арбатской», где расстались подруги, до «Первомайской», где Татьяна жила, прямая ветка – можно сесть и уткнуться в книгу, не беспокоясь, что пропустишь станцию пересадки.

Коммуникатор разразился мелодией из «Футурамы», когда Таня налегла плечом на стеклянную дверь метро. Девушка остановилась, отошла в сторону, доставая пластиковую коробку из кармана джинсов.

Глянула на экран. Ну, естественно, кто еще это может быть!

Вздыхнув, нажала кнопку с зеленой трубкой и поднесла коммуникатор к уху:

– Здравствуй, Олежка. Скажи, что ты позвонил просто так.

– Таня, я редактор. Я не умею звонить просто так.

– Я знаю, – мрачно ответила Татьяна. – Итак?

– Итак. В Россию вернулся внезапно образовавшийся наследник рода Вяземских. Господин весьма интересный, и я хочу интервью.

– Олежка, в твоём голосе я чувую подвох...

Послышалось шуршание, покашливание, и Татьяна добавила с угрозой:

– Олег? В чём подвох?

– Ну, понимаешь... Пока никому не удалось это самое интервью у него взять.

– А кто эти «все»?

– «Эсквайр», например...

– Олег? И ты хочешь, чтобы я за это взялась? С «Эсквайром» он разговаривать отказался, а твоему «Вестнику Урюпинска» интервью даст!

– Вот только хамить не надо! – попытался не слишком убедительно возмутиться Олег. Журнал, с которым Таня сотрудничала, действительно находился совсем не в первом эшелоне столичной прессы. Но, гонораров хватало для оплаты квартиры, перечислялись они без задержек, и положение вещей вполне её устраивало.

И все же, требовать от неё такое!

– Тань... Ну ты попробуй хоть? – заканючил Олег, и Татьяна сдалась.

– Ладно. Я попробую. Просто попробую, так что, в план не ставь. Скидывай мне все, что у тебя есть по этому наследнику, приеду домой, гляну.

– Вот и славненько. Вот и чудненько, – и явно приободрившийся редактор положил трубку.

Спускаясь по эскалатору, Татьяна хмыкнула:

– Ишь ты – наследник! Забавно.

Пронзительно взвизгнув, подлетел недовольный ночной поезд. В полупустом вагоне Татьяна откинулась на спинку сиденья, вставила в уши капельки наушников, и, отгородившись от окружающих музыкой, задумалась.

В последнее время встречи с подругами давались все тяжелее. Можно было сколько угодно убеждать себя, что в одиночестве есть куча преимуществ и изображать независимую даму свободных взглядов, но...

«Но, черт побери, Татьяна Владимировна, – сказала она самой себе, – хотя бы сама себе не ври, тебе дьявольски надоело возвращаться в пустую квартиру. Даже кот уже выражает тебе свое „фэ“, а мама жалостливо смотрит и молчит.»

Самоедские мысли эти были привычными, уютными даже. Означали, что все нормально, первая стадия самокопания проходит успешно, и скоро можно переходить ко второй – напомнить себе о неудачном замужестве, и омерзительной процедуре развода, не выдержав которой Татьяна плюнула на все, и ушла с одной спортивной сумкой, где лежала немудреная одежда и старенький ноутбук.

Прощайте шесть лет замужества, удачи вам, дорогой Константин Борисович и всей вашей семье, надеюсь, вы больше никогда не появитесь в моей жизни.

С тех пор миновало три года и несколько коротких бурных романов, в результате которых у Татьяны повысилась язвительность и появилось стойкая убежденность – тихую малообеспеченную старость она встретит в гордом одиночестве.



И все же, и все же...

Не страдая комплексом неполноценности, она прекрасно понимала, что привлекает мужчин. Невысокая стройная, вроде бы и не красавица – несколько неправильные, черты лица: острый нос, великоватый рот, широкие скулы, но... Мужчины с завидным постоянством оглядывались вслед подтянутой рыжеволосой девушке.

Увы, многие разочаровывались, обнаружив, что вместе с сексапильной внешностью в комплект входят острый ум, независимый характер и абсолютное нежелание играть по правилам толпы.

Некоторые поклонники стремительно исчезали с горизонта, не понимая, что еще надо этой ненормальной: ей же предлагается хорошее содержание и даже собственный автомобиль, другие – что странная девица вовсе не собирается прыгать к ним в постель, хотя это безусловно поможет в карьере.

В конце концов, Татьяна решила, что быть белой вороной – это даже забавно.

Заработки внештатного корреспондента в одном небольшом журнале, постоянная колонка в другом, и нерегулярные, но частые заказы еще из нескольких изданий, позволяли существовать не шикарно, но вполне, на ее взгляд, пристойно. К тому же, признавалась Татьяна самой себе, она просто терпеть не могла сидение в офисе с десяти до семи. При воспоминании о полугодовом опыте такой работы, до сих пор бросало в дрожь.

Однако, подруга, это не значит, что ты можешь просто так отказываться от заказов, – напомнила себе Татьяна.

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция Первомайская, – сообщил невидимый голос.

Промелькнули колонны «Измайловской», поезд влетел в туннель.

Пора выходить.

Первомайская, как всегда, встретила гулом автомобилей, нервным скрипом тормозов на светофоре, и гортанными возгласами продавцов из окрестных палаток.

Перейдя на противоположную сторону, Татьяна двинулась дальше, вниз, к Нижней Первомайской. Конечно, там всегда перекопано, но куда тише и зелени побольше. Район свой Таня искренне любила – за близость Измайловского парка, за обилие зелени, да много за что еще.

Неожиданно, она поймала себя на мысли, что идет и думает о неизвестном наследнике рода Вяземских.

Интересно, какой он? Откуда вернулся в Россию? Зачем?

Наверняка почтенной внешности мужчина, в возрасте хорошо за шестьдесят, обремененный внушительным состоянием. Внезапно вспылал страстью к исторической родине и решил вложить здесь деньги в какой-нибудь бизнес. Отчего-то образ наследника вырисовывался именно таким, не вызывающим ни малейшего доверия, абсолютно не симпатичным.

Пересечь перекресток, с недавно установленным светофором – наискосок, конечно же, пройти мимо уже закрытого магазина, свернуть во дворы, миновать непроглядную темень «пяточка» с гаражами-ракушками, и, вот он, дом, милый дом.

В прихожую вырулил крайне недовольный кот Мурчатель, для друзей Мурч, выразил свое отношение к хозяйке недовольным коротким мявом и, развернувшись, удалился в сторону кухни – гордо неся задранный хвост, и ступая подчеркнуто неторопливо.

– Зараза ты, Мурч, – сказала Татьяна хвосту, прыгая на одной ноге, в попытках снять кроссовку.

Демонстративно не реагируя на упреки хозяйки, нахальное животное исчезло за углом.

Впрочем, позже, когда хозяйка соорудила бутерброд с колбасой, дымчато-серое чудовище возникло в дверях и потребовало свою долю добычи.

– На! На, проглот! – Татьяна положила кусок колбасы рядом с кошачьей миской, и пошла в комнату, прихватив блюдце с бутербродом и кружку с крепким черным чаем.

Одним из главных достоинств ее маленькой однокомнатной квартиры, Татьяна считала обилие зелени во дворе. Открываешь дверь на балкон – и, пожалуйста, запах трав, шелест листы... И вопли алкоголиков, доносящиеся с лавочки, что намертво вросла в землю между ее домом и соседним.

Впрочем, с этим Татьяна успешно боролась с помощью наушников – музыку чуть погромче, и уже ничего не отвлекает и не портит настроения.

Отодвинув в сторону стопку распечаток, девушка поставила чашку и блюдо. Включив ноутбук, вошла в Интернет.

– Так-так, давайте посмотрим, что за наследничек к нам пожаловал.

Письмо редактора картину особо не проясняло – из него Татьяна узнала только, что зовут потомка Ян Вяземский, прибыл он в родные пенаты прямиком из Эквадора, и занимается он бизнесом.

Дочитав, девушка пробормотала, – Ну, да, а я думала, он асфальтоукладчик.

Выудив из вазочки, стоящей возле монитора, карандаш, Татьяна открыла молескиновскую записную книжку, и полезла в поисковики, бурча под нос:

– Так-так, да мы еще и Вяземские...

Спустя несколько минут, она, недоуменно хмыкнув, откинулась в кресле, сцепив руки на затылке.

Конечно, не стоит рассчитывать, что желтые сайты будут отслеживать каждый шаг гражданина Вяземского, но, черт побери, не каждый же день в Россию приезжают представители старинных княжеских родов! Всего три заметки – это, считай, ничего.

Кстати, а откуда такое неподходящее для княжеского рода имя – Ян? Татьяна сделала пометку в записной книжке. Вот и вопросик для интервью готов. Правда, всего один.

Ладно, лиха беда начало. Посмотрим, что пишут об этом человеке.

Тон заметок был на удивление сдержанным. Конечно, истеричный КП не мог не взвизгнуть о том что, «охотницам за наследством на заметку! Великий Князь, наследник многомиллионного состояния приезжает в Россию!», но этим и ограничился. Полезной информации – ноль. Бизнесмен, много лет жил в Эквадоре.

Кстати, а где еще? Татьяна сделала очередную пометку и открыла новую статью.

Ага, тут информации побольше. «Потомок древнего рода оказался еще и умелым бизнесменом. Без лишней шумихи он вкладывает деньги в развитие гостиничного бизнеса, также в сфере его интересов фермерские хозяйства. Кроме того, господин Вяземский известен, как меценат, а о его коллекции древних артефактов ходят легенды. В России господин Вяземский владеет компанией „Nivva Ltd.“, головной офис которой находится в Москве».

Прекрасно. И чем занимается эта Нивва? Снова вопросы.

Но самой интересной оказалась третья заметка. В ней на удивление глухо рассказывалось о том, что некий Вяземский загадочным образом купил разрушенную подмосковную усадьбу и проводит работы по ее реставрации.

– А почему нет криков о незаконной сделке и гибели памятников старины? – спросила себя Таня. В тетради появилась очередная запись.

Сделав глоток остывшего чая, она недовольно посмотрела на тетрадь. Вбила в поисковой строке Яндекса «Nivva Ltd.». Офис в центре, в одном из переулков, что живут тихой незаметной деловой жизнью возле Старого Арбата, еще один – в небольшом бизнес-центре почти на окраине города. Собственного сайта у компании нет, что заставило Татьяну недоуменно вздернуть бровь. Впрочем, телефон и адрес есть, а остальное выясняется в разговоре.

Побродив вокруг хозяйки, Мурч убедился, что та не собирается спать, и, потоптавшись, улегся на пороге у балкона.

Татьяна приоткрыла балконную дверь, впуская в комнату свежий прохладный воздух, и снова с ногами забралась в ротанговое кресло у стола. Увидев его в магазине, она бродила

вокруг, облизываясь, и прикидывая, как бы его разместить и как доставить, мучительно вспоминала, что там и как с деньгами, в конце концов плюнула на все и заказала! С доставкой и сборкой.

Зато как уютно теперь сидеть – свернувшись калачиком, чувствуя себя отделенной от всего мира изогнутой чашей кресла и кругом неяркого желтого света от маленькой настольной лампы. Единственным окошком в мир становился экран ноутбука и Таня чувствовала себя инопланетянином, наблюдающим за непонятными и страшно интересными существами.

Разве можно было променять эти ощущения на дневную работу в унылом офисе?

Она искренне считала, что, ни за что!

– Кстати, а что нам скажет окно в мир! – щелкнула пальцами Татьяна, и в Google набрала Yan Vyazemsky. Услужливая программа выдала десяток ссылок на английском и четыре на испанском.

Первым делом девушка нажала мышкой на пункт «Картинки», и удивленно пробормотала:

– Вот это да!

Картинок нашлось всего три, маленькие, так, что черты лица человека рассмотреть было почти невозможно, но, судя по фигуре, господин Вяземский держал себя в хорошей форме, и на вид ему было не больше тридцати пяти-сорока лет.

– А господин то больше на спортсмена-профи похож, – прокомментировала находки Татьяна.

На всех трех снимках Вяземский выходил из потрепанного внедорожника. Одет он был не в деловой костюм, а в комбинезон горнолыжника и, хотя лицо закрывал ладонью, вид имел какой-то несчастный.

Татьяна перешла к статьям и поняла почему.

– Бе-е-еденький, – протянула она, прочитав первую заметку, и почувствовала, что и сама расстроилась.

*"Таинственная трагедия на горнолыжном курорте*

*Сегодня на знаменитом горнолыжном курорте Вэйл (штат Колорадо) произошла трагедия.*

*Во время спуска погибла двадцатитрехлетняя Анна Гильерро, отдыхавшая на курорте вместе со своим женихом – бизнесменом русского происхождения господином Яном Вяземским.*

*По словам очевидцев молодые люди попали в полосу аномального тумана, внезапно затянувшего часть склона. Спустя несколько минут туман рассеялся, но, минуты эти оказались роковыми для молодой женщины. Видимо, потеряв в тумане ориентацию, госпожа Гильерро буквально вылетела с трассы. Ее тело с многочисленными, не совместимыми с жизнью, травмами нашли гораздо ниже по склону.*

*Жених госпожи Гильерро, Ян Вяземский, несмотря на многочисленные ушибы и порезы, происхождение которых он не смог объяснить, не ушел со склона до тех пор, пока не было найдено тело его невесты."*

Больше никакой стоящей информации Татьяне найти не удалось.

Порывшись в Интернете еще несколько минут, она выключила компьютер и потеряла уставшие глаза.

Глянула на страницу тетради, заполненную вопросами, и взяла красный фломастер.

Задумчиво обвела три пункта:

1. Почему Ян?
2. Чем занимается фирма Нивва?
3. Как удалось купить усадьбу?

Потом, подумав, дописала еще один вопрос и подчеркнула его двумя резкими красными линиями:

Детство и юность – где?

Закрыв тетрадь, она посидела еще несколько минут, отвечая на почту и читая френд-ленту своего блога. В конце концов нехотя бросила взгляд в правый нижний угол монитора и ойкнула – маленькие белые цифры показывали 02–34.

– Все-все-все, – выбравшись из кресла, она сняла покрывало с кровати, откинула одеяло, и отправилась в душ.

Уже стоя под тугими горячими струями, подумала:

– А почему ни словечка о родителях?

Засыпая, Татьяна решила что, пожалуй, утро она начнет со звонка в непонятно чем занимающуюся компанию Nivva.

## Глава 2

Утро – это кофе. Крепкий кофе с молоком и двумя кусками коричневого пальмового сахара. Пускай дорогого и совершенно непрактичного, но любимого.

Татьяна начинала мечтать о нем, чистя зубы, умываясь, застилая кровать и, к тому моменту, когда она заходила в кухню и шелкала тумблером электрического чайника, в голове билась только одна мысль:

– Кофе-кофе-кофе.

Соорудив бутерброд с мягкой брынзой, Таня снова открыла холодильник, достала пластиковую упаковку йогурта, поставила на стол. Потянулась за стеклянной банкой «Максвелл Хаус».

При всей ее любви к этому напитку, вкус у нее был, как она сама говорила, плебейским, дальше некуда. Растворимый кофе в гранулах, и все тут. Да и молоко концентрированное, из жестяных банок, в которых она пробивала старым, советских времен, ножом-открывашкой, две дырки.

Зато получался именно тот напиток, который ей нравился.

«Евроныус» гнусавым голосом сообщил о досрочных выборах парламента в Италии, показал радостного президента России и голодный бунт в Африке.

– Что в мире? – спросила Татьяна Мурча, и, не дождавшись ответа, сама себе ответила:

– Стабильности нет.

Захватив кружку, она пошла в комнату и, усевшись за стол, потянулась к телефону. Глянула на часы – 10:30, все порядочные люди давно на работе, пора звонить.

– Компания Нивва, слушаю вас, – неожиданно глубокий бархатистый мужской голос.

– Здравствуйте, вас беспокоит Татьяна Береснева, корреспондент журнала «Москва и Подмосковье». Подскажите, пожалуйста, как можно связаться с вашей пресс-службой?

– Минутку, переключаю. – в динамике заиграл безликая офисная мелодия.

– Здравствуйте, Татьяна. Меня зовут Николай Мелехов. Я начальник пресс-службы компании Nivva Ltd. Чем могу помочь? – снова мужской голос. Чуть более высокий, не такой бархатистый, но все равно приятный.

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, каким образом можно организовать интервью с господином Вяземским? – с места в карьер взяла Татьяна. Никаких «можно ли», «не можете ли» – стоит начать говорить просительно, и можно ставить крест.

– Увы, господин Вяземский не дает интервью. Но, если вас интересует деятельность компании «Нивва», я с радостью отвечу на все ваши вопросы и постараюсь организовать интервью с представителями совета директоров.

– Простите, Николай, но, неужели господин Вяземский настолько сторонится прессы?

– Увы, это так. Поверьте, уважаемая Татьяна, порой это создает определенные трудности в моей работе, – собеседник добавил в голос доверительности, и Таня оценила высокий класс собеседника, – но, это даже не обсуждается. Ян Александрович не общается с прессой. Ни при каких условиях.

– Ну, неужели, ни разу никому не дал интервью? – уже из чистого любопытства спросила Татьяна.

– За последние семь лет, никому. Ни разу – отрезал собеседник.

– Эх, без ножа зарезали, – вздохнула Таня. – Тогда, хотя бы, расскажите о бизнесе господина Вяземского в России. Почему он решил развивать его? И что это за бизнес, кстати?

С явным облегчением любезный Николай разразился длинной тирадой, из которой Татьяна поняла, что «компания занимает лидирующее положение в своем сегменте, мы нацелены на удовлетворение самых различных нужд наших клиентов, российский рынок является

для нас приоритетным, поскольку высокие темпы экономического роста позволяют рассчитывать...». И так далее, и так далее. Затем Николай записал координаты Татьяны и клятвенно заверил, что будет регулярно присылать ей наиболее интересую информацию и сообщать обо всех пресс-мероприятиях.

Лишь положив трубку, Таня сообразила, что любезный велеречивый Николай ухитрился ни слова не сказать о том, чем же, в конце концов, занимается «Nivva Ltd.».

– Вот ведь жук, – в сердцах высказала свое отношение к пройдошистому начальнику пресс-службы Татьяна.

Дремавший возле балкона глаз, Мурч, открыв глаз, недовольно посмотрел на хозяйку, и перевалился на другой бок. Потеряв равновесие, медленно сполз с порога на пол.

– А нефига было отъедать такую задницу! – мстительно сказала Татьяна коту. Мурч не отреагировал. Этому созданию с удивительным высокомерием удавалось не замечать неприятных для него вещей.

Замигал в углу монитора конвертик. Татьяна щелкнула мышью, открывая письмо.

Вот это оперативность!

"Здравствуйте, уважаемая Татьяна!

С удовольствием сообщая, что Ваш адрес занесен в базу для рассылки пресс-материалов компании Nivva Ltd.

Во вложенных файлах Вы найдете информацию об истории компании и ее планах.

С уважением,

начальник пресс-службы

компании Nivva Ltd.

Николай Мелехов"

Любопытно, они и здесь умудряются ничего не сказать? И она открыла первый файл. Так... компания образована... является... штаб-квартира в Нью-Йорке... Восемь лет назад куплена господином Вяземским...

А через год погибает его невеста. Никаких подробностей о самом Вяземском, конечно же, нет.

Открыв второй файл, Татьяна утонула в специфических терминах, потрясла головой, продираясь через неудобоваримые фразы, рассчитанные на специалистов, но, под конец, все же удовлетворенно протянула – Ага-а-а!

Насколько она поняла, компания занималась разработкой и установкой эксклюзивных систем безопасности. В пресс-справке говорилось: «Много лет Nivva Ltd. является лидером на рынке эксклюзивных систем безопасности. Мы по праву гордимся тем, что находимся на переднем крае разработок, служащих повышению безопасности наших клиентов».

Фразочка, конечно, зубодробительная, но представление о том, чем будет заниматься на родине предков наследник княжеского рода дает.

«Интересно, все же, почему никто из желтой журналистской братии не увязал это с криминалом? Ведь само просится» – подумала Татьяна, делая еще одну пометку в тетради.

И грустно вздохнула. Между ней и гонораром за интервью встала непреодолимая преграда в лице пресс-службы компании.

– Ну и тебе же хуже! Значит, сниму твою усадьбу во всех ракурсах, и забацаю материал о распродаже народного достояния! – в сердцах выпалила Таня да ещё показала монитору язык.

Полистав свою тетрадь для записей, в которую вчера занесла все, относящееся к Вяземскому, нашла название купленной им усадьбы – Алёхово-Пушино. Название казалось смутно знакомым, но когда и в связи с чем, она его слышала – вспомнить не получалось.

Решив что, если суждено, то все равно, рано или поздно, в памяти всплывет, Татьяна решила посмотреть, как лучше добраться до усадьбы.

Все тот же Google сообщил, что деревня Алёхово-Пушино находится в ста сорока пяти километрах от ее дома, и добираться туда следует по Каширскому шоссе. Затем свернуть направо и продолжать движение.

Распечатав страницу, Таня вложила ее в прозрачную папку-файл и сунула в свой рабочий рюкзак.

Туда же отправились диктофон, фотоаппарат, упаковка увлажняющих салфеток, кошелек, паспорт и объемистый бумажник, в котором она хранила права и документы на машину.

Нарубив на скорую руку несколько бутербродов, Таня завернула их в фольгу и, вместе с термосом, полным горячего сладкого кофе, тоже сунула в рюкзак.

Постояла посреди комнаты, соображая, что еще может понадобиться.

Вроде бы, ничего не забыла.

Значит, пора готовить к выходу себя любимую.

В отличие от той же Ани, подготовка эта занимала у Татьяны не пару часов, а неприличные тридцать минут.

Квадрат гаражей напоминал Татьяне средневековое княжество. Или пиратскую республику. В общем, что-то маленькое, но страшно независимое, изо всех сил этой независимостью гордящееся.

Сама она стала полноправной гражданкой «гаражного государства» пару лет назад, хотя «ракушку» у местного старожилы Василия Петровича снимала уже больше четырех лет.

В тот памятный день она все никак не могла открыть навесные замки гаража – еще прошлым вечером всю сыпалась с небес непонятная мокрядь, пропитывая все вокруг, а под утро ударил морозец и не помогли даже колпаки из обрезанных пивных бутылок-двухлитровок. В один замок ключ влезал наполовину и категорически отказывался поворачиваться, во второй – даже не входил.

Петрович с парой товарищей внимательно следил от своего гаража, ожидая, когда дамочка, продемонстрировав полный арсенал бабьей глупости, обратится за помощью к настоящим мужчинам.

Татьяна перевернула в дужках замки, личинками вверх и от души прыснула в каждый «незамерзайкой», баллончик которой достала из своей объемистой сумки.

Василий Петрович поставил отвисшую челюсть на место и признал рыжую полноправным членом гаражного клана.

Сейчас «ракушка» Петровича стояла запертой, как и остальные. Народ здесь появлялся вечером, после работы, или по выходным.

Выгонялись из гаражей авто, открывались капоты, и начинались неспешные вдумчивые беседы, под обязательный «Владимирский централ». Иногда рукастый Вадик из гаража, что стоял в противоположном конце ряда, вытаскивал из своего гаража мангал, и тогда устраивалось совместное пиршество, отчего-то напоминавшее Татьяне древние языческие обряды.

Пару раз она не успевала исчезнуть, и ее вовлекали в поедание вкуснейшего шашлыка. А также «совместное распитие крепких спиртных напитков», как торжественно объявлял непременно участник мероприятий – оперуполномоченный Алексей из третьего подъезда.

Татьяна выгнала из гаража свой старенький «Фольксваген Гольф», с усилием потянула вниз дверь гаража, навесила замки, закрыла, подергав дужки.

Задумчиво постояла у машины. Вроде бы ничего не забыла.

Выехав со двора, бросила взгляд на указатель топлива – бензина меньше полбака, надо заправиться, и, доехав до перекрестка, повернула к Первомайской улице.

Очереди на любимой заправке, спрятавшейся среди гаражей и автобаз, рядом с круговым перекрестком, не было, и уже через несколько минут приободрившийся синий «Гольф» радостно вылетел на МКАД.

Время «предрабочих пробок», к счастью миновало, поэтому на Кольцевой, в основном, резвились дальнбойщики и грузовики строительных компаний, с ревом пролетающие мимо жалких на их фоне легковушек.

Татьяна внимания на невоспитанных монстров не обращала, привычно встав во второй ряд: и сзади никто не будет нервно сигналить, как в крайнем левом, и не придется срочно перестраиваться, когда впереди появится очередной съезд с МКАДА или поворот к какому-нибудь строительному рынку.

Впереди показался щит, предупреждающий, что до Каширского шоссе осталось 3 километра, и Таня перестроилась в правый ряд. Повернув на Каширку так и решила ехать в правом – дорога незнакомая, лучше не спешить, да и рассмотреть окружающие пейзажи не помешает.

Конечно, в мае, когда даже пыльная придорожная зелень играет всеми оттенками ярко-зеленого, или ранней осенью, в пору золотого безумия, Подмоскovie смотрится просто волшебю, и даже не верится, что где-то неподалеку – один из самых безумных городов мира. Но и сейчас, когда деревья только начинались просыпаться, и лишь присмотревшись, можно было заметить на деревьях первые почки, девушка находила в пейзаже своеобразную негромкую притягательность.

В опущенное до середины окно временами врывались запахи свежей земли, оживающих деревьев, и тот неопределенный щемящий запах, от которого сладко замирает сердце, и понимаешь – весна. Солнце. Новый мир, с новыми чудесными людьми и неожиданными встречами где-то рядом.

В проигрывателе негромко выводит что-то романтическое Кенни Джи, треплет волосы легкий ветер – жизнь прекрасна!

Таня почувствовала, как исчезает плохое настроение, вызванное разговором с Николаем из пресс-службы, и поднимается волна ничем не оправданного оптимизма.

Промелькнул указатель «Белые Столбы», «Барыбино», «Михнево», и Татьяна еще раз сверилась с картой, лежавшей на «торпеде».

Так – Ступино, налево, а там по грунтовке. Только сейчас она сообразила, что весенняя грунтовка в Московской области может означать и две глубокие колеи, заполненные кашей из грязи, воды и талого снега.

Ладно, снега по случаю аномального тепла не будет, а вот всего остального там может быть с избытком.

Но, думать надо было раньше, мысленно пожала плечами Татьяна, и продолжила путь.

Миновав небольшую деревеньку, путешественница снизила скорость. Вот она, грунтовка... Правда, на удивление приличная. «Гольф» неторопливо переваливался по местным колдобинам, а его пилот, как иногда тщеславно величала себя Татьяна, оглядывался в поисках ориентиров, о которых рассказывали те, кто уже побывал в этих местах.

На сайте любителей пеших прогулок Таня нашла упоминание о том, что дорога должна проходить по берегу озера, после чего уходить влево, на холм, на вершине которого и стоит усадьба.

Речь, правда, шла о развалинах усадьбы и Татьяна думала, что, в лучшем случае, она побродит вокруг, фотографируя живописные руины и составляя наброски язвительного сопроводительного текста.

Попетляв по полям, грунтовка, действительно, вышла на берег небольшого, похожего на след гигантской лапы, озера. Ветер гнал по серой воде легкую рябь, колыхалась прошлогодняя перемерзшая трава, и на Таню вдруг пахло запахом нездешней, негородской жизни – одинокой, застывшей в пространстве и времени, созерцательной, погруженной в себя и вечность.

Миновав озеро, дорога, действительно, полезла на длинный пологий склон холма, поросшего редким леском. Скорее, подумала девушка, тем, что осталось от некогда ухоженного парка.



Между деревьями, на вершине холма, мелькало, среди стволов старых берез, что-то белое.

– Неужто, это так развалины выглядят, – удивилась Таня, осторожно подрабатывая рулем, чтобы машину не повело на повороте, и тут же резко ударила по тормозам, выворачивая руль до упора.

Прямо на нее мчался громадный черный Лендровер.

Визг тормозов разорвал лесную тишину.

За рулем Лендровера сидел ас – он лишь слегка увел капот вправо и мягко остановил машину. Блестящая решетка радиатора качнулась в нескольких сантиметрах от вставшего почти поперек дороги «Гольфа», и застыла.

Не дыша, на подгибающихся ногах, Таня вышла из машины, и двинулась к «Лендроверу». Ей было абсолютно все равно, кто там, внутри. Это же надо так нестись!

То, что на лесной дороге водитель просто не ожидал встретить встречный автомобиль, ее нисколько не волновало – сейчас она выскажет все!

Хлопнула дверь джипа, со стороны водителя показался невысокий белоголовый крепыш.

– Девушка, с вами все в порядке? Вы не испугались?

Неожиданно вежливый голос, мягкие успокаивающие интонации, ни малейшего намека на «наезд» в стиле «баба за рулем, страшнее обезьяны с гранатой».

Девушка длинно выдохнула, и поняла, что абсолютно не сердится.

– Все нормально, ничего страшного. Сама виновата, замечталась, – махнула она рукой.

В это время открылась задняя дверь, и на усыпанную прошлогодней листвой тропинку, ступил человек, при виде которого сердце Татьяны ухнуло куда-то вниз.

Среднего роста, стройный, подтянутый, он выпадал из этого места и времени.

Он бы прекрасно смотрелся в мундире морского офицера. И чтобы над палубой летели ядра, а он стоял бы на мостике, заложив руку за отворот. Или во главе атакующего гусарского эскадрона, – почему-то подумалось Татьяне.

Пассажир джипа сделал шаг, и наваждение исчезло. Перед ней стоял среднего роста мужчина, одетый с тщательно продуманной дорогой небрежностью. На вид лет тридцати пяти – тридцати восьми.

Очень короткая, на военный манер, стрижка. Правильные аристократические черты лица, могли бы показаться излишне сладкими, но криво сросшийся после перелома нос, придавал его обладателю вид взявшегося за ум хулигана.

Не раздумывая ни секунды, Татьяна выпалила:

– Господин Вяземский, теперь, как честный человек, вы просто обязаны дать мне интервью.

На нее глянули холодные, напомнившие девушке воды холодного озера, серые глаза.

Неожиданно в них мелькнула, словно поднывавшая с глубины рыбка, смешинка, и Ян Вяземский, кивнув в ту сторону, откуда появился джип, сказал:

– Жду вас. Подъезжайте.

И уже водителю:

– Владимир, поехали. Предупредим охрану о госте.

Услышав голос шефа, белоголовый Владимир коротко, по-военному, кивнул Татьяне, и сел за руль.

Спустя несколько секунд мастерски развернувшийся джип уже мелькал между тонкими стволами берез.

– Проклятье, он еще и симпатичный, – бормотала Татьяна, прыгая на сиденье «Гольфа» и врубая заднюю передачу.

Татьяна почему-то рассчитывала увидеть глухой кирпичный забор метра в три высотой, и тяжелые стальные ворота с прорезанной смотровой щелью.

Оказалось, владения наследника окружает изящная ограда, напомнившая ограду сада «Эрмитаж». Однако, на верхушках побеленных столбов, девушка заметила неброские коробочки видеокамер, и призадумалась, а какими еще системами безопасности может оснастить свою территорию хозяин фирмы, на разработке таких вот систем специализирующейся.

Ворота тоже оказались не глухими полотнищами, а настоящим произведением искусства – литые виноградные лозы обвивались вокруг волной изогнутых верхних кромок. В центре каждой створки красовался вензель «В», окруженных теми же литыми виноградными листьями.

Ожидавший гостью возле открытых ворот, уже знакомый Владимир, нагнулся к открытому окну «Гольфа»:

– Сейчас поезжайте прямо по аллее, машину поставьте на площадке перед домом. Ян Александрович вас ждет.

Аллея, шла по заброшенному, заросшему, как и весь холм, березняком, парку. Таня медленно ехала, глядя по сторонам – с одной стороны проглядывает между деревьями выщербленная каменная чаша фонтана, с потемневшим от старости, но все же выжившим Купидоном. С другой виднелась беседка. «Или их раньше называли павильонами?» – подумала Татьяна. Четыре мраморные колонны поддерживали купол – тоже почерневший, обколотый понизу.

– Интересно, приходят ли в эту беседку призраки влюбленных дам прошлого? – задумалась гостья.

Аллея закончилась, «Гольф» выехал на выложенную большими каменными плитами площадку перед центральным домом усадьбы.

Таня одобритительно цокнула языком. К широкой террасе, опоясывающей белое двухэтажное здание, вели ступени мраморной лестницы, по бокам которой лежали каменные львы, задумчиво глядевшие на подъехавший автомобиль.

На верхней площадке стоял хозяин дома, несмотря на довольно прохладную погоду и поднявшийся резкий ветер, в пуловере цвета топленого молока и светло-голубых вытертых джинсах.

Остановившись, журналистка сделала пару снимков дома, так, чтобы в кадре оказался и его хозяин, и поспешила к лестнице.

Поднимаясь, Татьяна еще раз поразилась военной выправке и ощущению доброжелательной спокойной силы, исходившей от Вяземского.

– Здравствуйте. Насколько я понимаю, это вы звонили с утра Николаю, – сказал он, на европейский манер протягивая Татьяне руку.

– Ваши сотрудники хорошо информируют босса, – ответила она, отвечая на рукопожатие. – Да, я Татьяна Береснева, корреспондент журнала «Москва и Подмосковье». Спасибо, что согласились на интервью.

– Вы не поверите, Татьяна, но я сам не понимаю, почему это сделал, – неожиданно рассмеялся Вяземский, и сделал приглашающий жест. – Однако, не стоит стоять на ветру. Пойдемте, я напою вас хорошим чаем, и мы побеседуем. Только давайте договоримся – внутри дома не фотографировать. В парке, пожалуйста, а вот в доме – не надо.

Девушка молча кивнула и убрала фотоаппарат в сумку.

Внутренний интерьер дома запомнился Татьяне как единое, светлое, пахнущее деревом, и чем-то еще, неуловимым, но очень уютным, пространство. Конечно, были в нем и комнаты, и коридоры, и широкая лестница, ведущая на балкон второго этажа, но все это она вспомнила уже потом, возвращаясь по ночному шоссе домой.

А тогда – ощущение удивительной цельности и доброжелательности вокруг, любезный хозяин, короткая прогулка по коридору, одна из стен которого, полностью стеклянная, выходила в запущенный и от этого еще более очаровательный, парк.

Вяземский открыл дверь, пропуская гостью вперед:

– Проходите, присаживайтесь. Так хотите чаю?

Татьяна кивнула в ответ.

Тогда подождите минутку, я сейчас распоряжусь.

Войдя в кабинет, Таня, осматриваясь, остановилась на пороге.

Высокие потолки с лепниной, большое, во всю стену, окно, также выходящее в парк, стены полностью заставлены книжными шкафами.

В глубине комнаты массивный рабочий стол темного дерева. На столе, несколько неуместный, выбивающийся из общего стиля, ноутбук.

У окна журнальный столик и пара кресел.

Татьяна села в одно из них, достала диктофон и, проверив, поставила на середину стола.

Открылась дверь, и в кабинет вошел Вяземский. Быстро прошел к окну, остановился за креслом, скрестив руки, оперся ими о спинку кресла.

– Итак, вы хотите взять у меня интервью. Зачем?

Татьяна даже растерялась слегка, но виду не показала:

– Ян Александрович, вы представитель старинного русского рода, всю жизнь прожили за границей, имеете успешный бизнес. Ваше возвращение...

Вяземский досадливо поморщился:

– Татьяна, а если без этих дежурных фраз?

И она, не раздумывая, выпалила:

– Да за квартиру мне платить надо! А когда стала собирать материал о вас – стало интересно.

– Что именно интересно? – склонив голову к плечу, ехидно глянул на нее собеседник.

– Вы. Какой вы. Почему вас называли Яном. Как вы жили, – пожала плечами журналистка.

– Послушайте, – возмутилась она, – это же вы у меня интервью уже берете!

Улыбнувшись, Ян сел в кресло:

– Прошу меня простить, это уже профессиональное.

Татьяна решила перехватить инициативу. Включив диктофон, спросила:

– В каком смысле, профессиональное?

– Я же руковожу компанией, которая занимается системами охраны. Вы представляете, сколько вопросов приходится выяснить, прежде чем удастся выработать наиболее подходящую для клиента схему? А если вспомнить о том, что многие просто параноидально относятся к вопросам сохранности своих секретов... – и Вяземский выразительно махнул рукой.

– Неужели вы сами проводите такие вот встречи? Разве для этого нет специалистов компании?

– Вы должны знать, что есть клиенты разного уровня. И потом – если я не понимаю специфики работы компании, как я могу ей управлять?

– Логично, – позволила себе улыбнуться Татьяна.

В дверь негромко постучали и, дождавшись громкого «Да-да, входите», молодой человек в строгом деловом костюме вкатил сервировочный столик с чайником, двумя чашками, вазочкой с печеньем и аккуратными маленькими баночками с вареньем.

– Алексей, оставьте столик возле нас, пожалуйста. Вы свободны, я сам поухаживаю за нашей гостьей.

И, уже обращаясь к Татьяне:

– Искренне советую, попробуйте вот это, черничное. Совершенно бесподобное лакомство.

Налив Татьяне крепкого черного чаю, Вяземский наполнил свою чашку, сделал небольшой глоток, и, воровато глянув на дверь, сцапал со столика банку малинового варенья.

Запустив в нее ложку, объяснил недоуменно смотревшей гостье:

– Алексей, кроме всех прочих его талантов, еще и мой тренер. И к моим маленьким слабостям относится крайне неодобрительно. А я малиновое варенье люблю – словами не описать.

Отправив ложку варенья в рот, блаженно закатил глаза, а потом указал на диктофон:

– Прочитаете это, подам в суд и докажу, что ничего не было.

– Хорошо-хорошо, никакого варенья, – рассмеялась Таня. – Тогда вы мне расскажете, почему вас называли Яном.

– На самом деле никакой тайны. Моя мама – полячка. Вообще, это длинная и грустная, в общем-то, история. Мой отец безумно влюбился в сотрудницу посольства Польши в США. Отец к тому времени был уже очень немолод, давно вдовец, а вот моя будущая мама – молодая красавица, замужем. По каким причинам она не могла развестись официально – не знаю, но им пришлось бежать. Отец был не слишком состоятелен, но, продал все свое имущество в Штатах, выправил маме фальшивые документы, и они сбежали сначала в Мексику, а потом в Эквадор. Там я и родился. Собственно говоря, я незаконнорожденный. Как в старину говорили – бастард.

Вяземский надолго замолчал и Татьяна, не выдержав, спросила:

– А, а потом, что?

– А потом они погибли. Оба. Мне было три года. Так что, – он грустно улыбнулся, – своих родителей я узнавал по рассказам дяди. Двоюродный брат отца, осевший в Южной Америке еще до Второй Мировой. Замечательный старик, воспитывал меня буквально как родного сына, которого у него никогда не было. А родители – они поехали отдохнуть в горы, машина сорвалась с серпантина... Нашли их спустя два дня. Дядя говорил, что полицейские сказали – оба погибли сразу, не мучились.

– Простите, – поморщился Ян, – не будем больше об этом. Не самая приятная тема. Давайте я лучше расскажу вам о том, как я купил эту усадьбу! А потом мы вместе пообедаем и погуляем по парку. Я еще ничего в нем не менял, и даже не знаю, хочу ли это делать. В этой запущенности есть что-то притягательное.

Таня кивнула и поставила диктофон рядом с чашкой Вяземского.

Незаметно пролетело полтора часа. Вяземский увлеченно рассказывал о своих хождениях по инстанциям, о том, как он, с пеной у рта доказывал, что восстановление исторического облика усадьбы никак невозможно без изменений в одной! Ровно одной разрушенной каменной стене... Как нанимал исследователей, обнаруживших в архивах саратовского энтузиаста-историка снимки усадьбы, как по крупицам выискивал он в воспоминаниях стариков-эмигрантов упоминания о внутренней отделке Алёхово-Пущино и составлял эскизы интерьеров.

Но все это оказалось цветочками по сравнению с тем, что последовало, когда началось строительство!

Вяземский рассказывал настолько живо, с такими красочными подробностями и точными деталями, давал настолько меткие и точные характеристики людям, что Татьяна спросила, не занимался ли он когда-нибудь журналистикой, или писательским ремеслом.

Ян в притворном ужасе откинулся в кресле:

– Упаси Боже! Да я и в школе терпеть сочинения терпеть не мог. Читать – да, читать люблю. Но вот писать самому – увольте.

А потом они гуляли по парку, угадывали где когда-то проходили аллеи, спорили, была ли на месте вон того бугорка, рядом с беседкой, разбита клумба, и стоит ли полностью менять беседку или попробовать отреставрировать то, что есть.

Поднявшись по выщербленным ступеням, Таня села на круговую скамью. Камень вытягивал тепло, но вставать не хотелось. Казалось, вошедший полностью отгораживался от внеш-

него мира, оставляя за порогом беседки всю суету, все мелкие заботы, казавшиеся такими важными в городе.

Обернувшись, она вздрогнула от неожиданности. Рядом с гостеприимным хозяином стоял высокий широкоплечий человек с необыкновенно белыми волосами. Заметив испуг Татьяны, он учтиво поклонился и что-то прошептал на ухо Вяземскому, после чего отступил на пару шагов и словно растворился между деревьями.

– Это начальник службы безопасности, Олаф Сигурдсон, – объяснил Ян. – Он напугал вас?

– Скорее, удивил. Он появился так неожиданно.

– Да, это он умеет. Военная подготовка.

– Олаф? Это скандинавское имя, так?

– Да. Олаф родом из Норвегии. Но мы сотрудничаем уже много лет и в чем-то он стал более русским, чем многие граждане России. Олаф прекрасно говорит по-русски. Для меня он больше, чем просто служащий компании.

– Больше? Насколько? – Татьяна подошла к порогу беседки и смотрела на Вяземского сверху вниз. Очень не хотелось уходить отсюда, несмотря на поднявшийся холодный ветер, задувавший под короткую куртку.

– Намного. Он мой друг, – очень серьезно ответил Вяземский.

– Пойдемте, – протянул он руку своей гостье. – Олаф приходил сказать, что обед подан. Не «обед готов», а «обед подан», отметила про себя Татьяна.

Она ожидала, что обед подадут в каком-нибудь сногшибательном зале, а сидеть обедающие будут на противоположных концах бесконечного стола.

Оказалось, обедает потомок древнего рода в небольшой, по меркам этого дома, комнате – чем-то средним между кухней и гостиной, сидя за деревянным, накрытым клеенчатой скатертью, столом.

Зато, как обедает!

Татьяна покраснела, когда сообразила, что с неприличной скоростью умяла здоровенную тарелку вкуснейшего борща и, с молчаливого одобрения сотрапезника, наливает вторую порцию.

– Это все воздух. После такой прогулки разыгрывается зверский аппетит. – попробовала оправдаться она.

– Да вы не оправдывайтесь, а налегайте, – добродушно улыбнулся хозяин дома. – Только место для второго блюда оставьте. Если ничего не путаю, то у нас сегодня пельмени с грибами.

И – да. Последовали пельмени с грибами.

И совершенно невозможный пирог с лимоном.

И тающее во рту ванильное мороженое.

И кофе в крохотных фарфоровых чашечках.

И разговоры. Обо всем. Татьяна сама не заметила, в какой момент стала рассказывать о себе. Ян лишь изредка вставлял реплики, задавал короткие, но очень точные вопросы.

Опомнилась она, лишь когда за окном сгустились сумерки.

– Ой, мне же еще отсюда выбираться! – сорвалась гостья со стула. – Я же и вам весь график сбила! Что же вы меня не одернули!

Ян сидел и улыбался:

– Поверьте, если бы у меня были неотложные дела, я бы об этом сказал. А теперь – давайте-ка мы вас проводим до шоссе. Поедете за моей машиной.

Короткие сырые сумерки растворились в глухой загородной темноте. Татьяна осторожно ехала вслед за джипом Вяземского, стараясь не утыкаться в стоп-сигналы огромного внедорожника.

Закусив нижнюю губу, она буквально кралась вслед за джипом по темному лесу и с облегчением вздохнула только когда миновали холм – впереди показались редкие огни деревни. Пару раз «Гольф» начинало «вести» в сторону, но, всякий раз Таня успевала подработать рулем и не съехать в кювет.

Промелькнула мимо деревня, джип замигал, показывая, что останавливается. Татьяна съехала на обочину, встав перед Лендровером. Вышла из машины. Вяземский пружинисто выскочил из автомобиля, подошел к девушке. Она заговорила первой:

– Спасибо вам большое, Ян Александрович. И за интервью, и за... да за весь этот день спасибо!

– Не за что. Я искренне рад был с вами познакомиться, Татьяна. Убедительно прошу, пришлите полный текст материала Николаю. Я сам вам полностью доверяю, но если не покажу ему текст, сильно обижу.

– Конечно, пришлю, – Татьяна неловко помялась, но Вяземский молчал, и пришлось говорить самой:

– До свидания. Я поеду.

– Да. До свидания. Ну, теперь я жду номер вашего журнала.

Таня кивнула, неуклюже повернулась и, почему-то чувствуя себя ужасно глупо, села в машину.

Выезжая на трассу, она посмотрела в зеркало заднего вида – джип так и стоял на обочине. Темная фигура почти терялась на фоне черного корпуса автомобиля.

Ей показалось, что он помахал ей рукой, но, скорее всего, просто почудилось.

Вяземский опустил руку.

Хлопнула дверь, с водительского места выбрался Олаф, подошел и встал чуть позади шефа.

Сунув руки в карманы ветровки, Ян задумчиво пнул ногой камешек, и сказал, глядя вслед «Гольфу»:

– Олаф, будьте так любезны, узнайте о нашей милой гостье все, что возможно.

## Глава 3

Утро Вяземский решил посвятить визитам, о чем и сообщил Олафу с Владимиром.

Персонал «Nivva Ltd.» уже привык к постоянным отлучкам своего загадочного шефа, Олафа офисные труженики побаивались, а во Владимире женская часть компании души не чаяла. А потому все, оставшиеся в конторе, готовы были грудью встать на защиту деловых интересов предприятия.

Что, разумеется, Вяземского и Олафа более, чем устраивало. Правда, подбирать персонал пришлось долго и упорно, но затраты, в итоге, стремительно окупались.

Но сейчас Вяземский в последнюю очередь думал о делах фирмы.

Он смотрел на своего начальника службы безопасности.

Олаф с сомнением глядел на обшарпанный подъезд стандартной московской девятиэтажки из тех, что стремительно вырастали, образуя спальные районы, в 70-х годах двадцатого века.

– Да уж. Никак не мог предположить, что такой персонаж, как Дольвего поселится в подобном, – он пошевелил в воздухе пальцами, – жилище.

– С вашим то опытом, уважаемый, могли бы уже знать, что как раз такие персонажи и выбирают самые неприметные убежища, – поддел норвежца Вяземский.

– А я понимаю, понимаю, шеф. Сам бы что-нибудь подобное организовал, правда, пути отхода здесь, пожалуй, несколько непродуманные. Но это не значит, что я утратил способность удивляться.

– Кстати, насчет путей отхода. Угол вон того дома видите? Там, рядом с голубятней, наверняка, какой-нибудь лючок и ход к Приграничью.

– Не щупал, боюсь внимание привлечь, – честно признался Олаф, и нажал кнопку переговорного устройства.

– Володя, видишь зеленую коробку, которую Ян Александрович называет голубятней? Да-да. Так ты походи там рядышком, поконтролируй территорию. Вот и чудненько.

Вяземский уже шел к подъезду, и Олаф поспешил за ним.

Лифт оказался на удивление чистеньким, а выйдя на пятом этаже, они обнаружили на площадке, пролетом ниже, старенький, но отмытый до белизны кухонный столик, на котором кто-то заботливо расставил пластиковые горшки с комнатными растениями. Зелень явно чувствовала себя весьма неплохо.

– Присмотревшись к растениям, Олаф тихонько хмыкнул:

– Ловко. Старая школа чувствуется.

Ян кивнул:

– Да, простенько и со вкусом. Никаких мандрагор и прочей экзотики. Дольвего просто легонько подтолкнул у них уровень эмпатии, и вот она, готовая система сигнализации. Так что, он о нас уже знает.

С этими словами он потянулся к кнопке звонка, Но нажать не успел, дверь уже открывали.

Стоявший в дверях человек был высок и худ. Больше всего он напоминал вышедшего на пенсию учителя, любимого детьми и коллегами – сутуловатый, с внимательным и доброжелательным взглядом больших карих глаз. Сейчас он с любопытством рассматривал гостей поверх державшихся на кончике носа очков в тяжелой пластиковой оправе.

Осмотрев, сделал шаг в сторону, приглашая войти:

– Заходите, не стойте де на пороге.

И исчез в коридоре.

Вяземский с Олафом последовали за ним.

Внутри квартира также напоминала жилище преподавателя или неудавшегося ученого: бедноватая но чистая обстановка, письменный стол, заваленный исписанными листами, потрепанными справочниками и тонкими брошюрками в пожелтевших мягких переплетах.

Хозяин квартиры сел на продавленный диван, кивнул гостям на кресла покрытые красными в зеленую полоску покрывалами:

– Присаживайтесь. Думаю, мне представляться смысла нет. Да и кто вы такие, я знаю. Так что, перейдем сразу к цели вашего визита.

Опускаясь в кресло, Ян аккуратно поддержнул штанины безукоризненно выглаженных брюк, вальяжно откинулся на спинку и заговорил:

– Я все же представляюсь, поскольку лично мы незнакомы. Ян Александрович Вяземский. И начальник моей службы безопасности, Олаф.

– Просто, Олаф? – хмыкнул в ответ тот, кого норвежец называл Дольвего.

– Для вас, просто, – сухо подтвердил Вяземский. Сам начальник службы безопасности сохранял вежливо-равнодушное молчание, всем видом показывая, что здесь он исключительно в качестве сопровождающего.

– Слышал я об одном Олафе. Говорили, что этот воин мог оборачиваться медведем. И медведь этот нес только смерть и хаос. Впрочем, – оборвал он сам себя, – это только слухи, которые я слышал много-много лет назад.

– Если не столетий, – негромко сказал Вяземский.

– Если не столетий, – легко согласился собеседник. – Так, может быть, все же перейдем к делу? Я не думаю, что специальный посланник Ордена Стражей посетил мое скромное жилище только для того, чтобы поговорить о старых добрых временах.

– Считайте, что это визит вежливости. Как в те самые старые добрые времена, когда было принято наносить визиты соседям, представляться, знакомиться.

– Или когда принято было проверять поднадзорных – негромко бросил в пространство Олаф.

Дольвего стремительно развернулся к нему, выбросил вперед руку, и уткнул в норвежца вытянутый палец с длинным твердым ногтем.

– Ты! Ручной медведь, знай свое место – прошипел он. – Я не давал в моем доме слова выродкам Севера.

Олаф лишь благодушно ухмыльнулся в ответ, и кивнул Вяземскому:

– Хамит. Значит, не боится. Одно из двух, или чистый, или очень глупый.

Вяземский задумчиво почесал подбородок, и обратился к Олафу, так, будто они сидели в комнате вдвоем:

– Наверное, все же, чистый. Во всяком случае, я на это рассчитываю, не хотелось бы начинать пребывание на исторической родине с крови.

И уже резко, ломая рисунок разговора, развернулся к Дольвего:

– Четверо суток назад. В Приграничье волнение было? Отвечать быстро.

Слова хлестнули высокого старика словно бичом. Он резко выпрямился, глаза полыхнули черным пламенем, зрачок, прыгнув, стал вертикальной желтой щелью, окруженной кольцом непроглядной черноты.

В квартире ощутимо потемнело, температура опустилась на несколько градусов.

На Вяземского это не произвело ни малейшего впечатления. Развалившись в кресле, он скущиво произнес:

– Дернешься, убью.

И Дольвего поверил, осел на диване, жуткие нечеловеческие очи снова превратились в усталые глаза доброго учителя на пенсии.

– Чувствовал. Было такое как раз четыре ночи назад.

– Ты знаешь, что в ту ночь произошло.



– Знаю, конечно. Вашего сторожа и убили.

– Стража, Дольвего, Стража, – поправил собеседника Вяземский. – Не забывайся, пожалуйста. То, что ты подписал Протокол Нейтралитета, не дает тебе права хамить.

– Спрашивай и уходи, Страж, – с гримасой ответил Дольвего. – Протокол не дает тебе права находиться в моем жилище дольше необходимого.

– Если это не продиктовано угрозой Границе и нейтралитету, – напомнил ему Вяземский, – А вопросов у меня немного. Пока.

Дольвего кивнул, мол, слушаю.

– Первое. Кто из местных мог такое сотворить? У кого могли возникнуть настолько веские причины, что он решился на убийство Стража?

– Никто, – быстро ответил старик. – Из тех, кто здесь существует постоянно, никто. Никому не выгодно нарушать Протокол, а насчет чужих ничего не скажу, просто не знаю.

– Как ни странно, я тебе верю. Вопрос второй – общая обстановка. Какие операции в городе могли потребовать привлечения чужих?

Дольвего пожал плечами:

– И снова ничего тебе не скажу. Ни о каких новых операциях по эту сторону Приграничья я не слышал. Те, кто живет здесь, придерживаются Нейтралитета, стараются не выходить даже в Приграничье. С мелкими делами твой предшественник успешно справлялся сам, и никому на хвост, насколько я знаю, не наступил. Во всяком случае, настолько чувствительно, чтобы кто-нибудь из настоящих магов или древних рас хотел его убить, – пожал он плечами.

– Так «да» или «нет», договаривай, – жестко сказал Олаф.

Дольвего бросил на него ненавидящий взгляд, но продолжил:

– Из тех, кто подписывал Протокол Нейтралитета, не появлялся никто. Но я недавно сталкивался с человеком. Зовут Мануэль Лесто. Ничего конкретного, мы просто виделись в гостях, но он него явно несло Приграничем. Он явно умеет пользоваться дорогами магов, и зачем-то перемещался к Границе.

– Что еще? – спросил Ян.

– Ничего. Это было только мое ощущение. Он ничем не показал, что увидел меня или понял, кто я такой, но чувство было сильным.

– Хорошо. Я тебе верю, – легко согласился Вяземский, и встал.

– На этом мы заканчиваем свой визит. Спасибо за гостеприимство.

– Надеюсь, больше визитов не будет, – процедил хозяин квартиры, провожая гостей.

Захлопнув дверь, он процедил:

– Будь ты проклят, полукровка.

Подойдя к автомобилю, у которого уже дежурил обманчиво расслабленный Владимир, Вяземский негромко сказал, обращаясь к нему:

– Спасибо большое, Володя. Мы с Олафом сядем сзади, надо обсудить кое-что. Ты, кстати, тоже слушай, это и тебя касается.

Молча кивнув, он сел за руль.

Как только машина тронулась, Вяземский заговорил.

– Итак, господа, ваши впечатления от визита. Сначала вы, Владимир.

– Поскольку наверху не был, могу сказать только об окружающей обстановке. Ход там, действительно, есть. Но им очень давно не пользовались, он и не фонит почти. Походил вокруг – на том уровне, который я могу воспринять, все чисто. Мой вывод – субъект соблюдает Протокол, либо, если и занимается чем-то, что выходит за его рамки, то очень осторожно, и не здесь. – отрапортовал Владимир и замолчал, сосредоточившись на вождении.

– Логично. Вполне логично, – протянул Вяземский.

– Только не забывайте, к Дольего нельзя подходить с человеческими мерками и надеяться на его человеческие реакции, – негромко заметил Олаф.

– Безусловно. Потому я и старался спровоцировать его на проявление сущности. Нет, он действительно не знает ничего, выходящего за рамки обычной мелкой возни в Приграничье. Дольего не того полета птица, чтобы скрыть от нас с вами, Олаф, свое участие в чем-то крупном. Слишком злобен, слишком сильно ненавидит Стражей, не очень умен, а потому опасен для любых серьезных заговорщиков.

– Кратко и точно, – хмыкнул Олаф.

– А кто он, этот Дольего? – не отрываясь от дороги, спросил Владимир.

Ответил Вяземский:

– Мелкий колдун. По меркам Приграничья – ребенок. В семнадцатом или восемнадцатом веках как-то смог достучаться до одного из Изгнанных богов и получил доступ в Приграничье. С тех пор периодически всплывал то там, то здесь, участвуя в попытках возвращения старых, изгнанных богов, служил тем, кто обещал ему настоящее могущество, не гнушался крови. В конце концов, по причине редкой трусости и беспринципности, был отвергнут всеми, в отчаяние связался с откровенными идиотами, пытавшимися устроить кровавую бойню в одном из французских городков, проводя ритуал возврата Бафомета. Попытка провалилась, он был захвачен Стражами, согласился подписать Протокол нейтралитета. С тех пор, а это, если я все правильно помню, 1915 год, живет в России. Сначала в Самаре. Потом, вот, перебрался в Москву.

Как ни удивительно, на редкость информированная сволочь, пару раз уже оказывался крайне нам полезен, хотя продолжает Стражей все так же искренне ненавидеть.

– Да, уж. Насчет трусости, это вы правы, – хмыкнул Олаф, – Лесто этого он нам сдал со свистом.

– Лесто... Где-то я уже слышал эту фамилию, – пробормотал Вяземский и надолго задумался.

В который уже раз, Ян задумался о том, не было ли подписание Договора Равновесия, который чаще называли Протоколом Нейтралитета, ошибкой.

Конечно, с одной стороны, этот договор означал прекращение многовековой, незаметной для большинства, но кровавой войны, между Орденом и всеми теми силами, что старались вернуть человечество в мир первобытной жестокости и кровавых жертв.

Но, многие считали, что именно этот договор поверг человеческий мир в состояние неустойчивого равновесия, и достаточно малейшего толчка, чтобы привычный порядок вещей раз и навсегда рухнул.

Находились и те, кто считал Договор извращением и предательством изначальных целей Ордена Стражи. История его зарождения в буквальном смысле слова терялась во тьме веков. Всегда, в любом племени, находились люди, чувствовавшие, что привычный человеческий мир не так прост, как казалось большинству. В те времена, когда граница между разными реальностями, населенными существами, ныне считающимися порождениями воображения, была тонка, увидеть этот мир было несложно. Маги, чародеи, колдуны, жрецы – все они черпали свою силу из окружающих наш мир пространств, пользовались силами иномирных существ. Многие из которых становились богами нашего мира.

И требовали кровавых жертв.

Но крепнущее человечество не желало мириться с таким порядком вещей и, один за другим, старые боги в сопровождении своих свит, покидали землю людей, унося свое могущество и свою жестокость. Крепла Граница между миром людей и миром магических существ.

На страже этой незримой Границы и встал Орден Стражей – людей, принявших на себя ответственность за то, чтобы больше не повторялись на земле века кровавого безумия.

Получалось это не всегда, но пока им удавалось удерживать мир от падения в пропасть Темных Веков.

Члены Ордена не были инквизиторами, они не стремились искоренить магию полностью, поскольку понимали, что это также навсегда изменит наш мир и, скорее всего, не в лучшую сторону. Они взяли на себя тяжкую ношу – сохранение равновесия, которое обеспечило бы миру плавное постепенное развитие.

Порой Вяземскому казалось, что они занимаются безнадежным делом.

Для Татьяны утро началось с воспоминаний о вчерашнем вечере.

Добравшись до дома уже полночь, она, зевая во весь рот, поставила машину в гараж, с трудом переставляя ноги, поднялась на второй этаж, и, открыв дверь, пробормотала:

– Мурч, все завтра, все завтра.

Ужасно хотелось сразу же завалиться спать, но она заставила себя аккуратно сложить одежду и забраться под душ.

Наутро, налив традиционную чашку кофе, первым делом позвонила Олегу – редактору, отправившему ее к Вяземскому.

– А вот скажи мне, друг дорогой, сколько полос ты мне отдашь под интервью с господином Яном Александровичем Вяземским?

– Хани! Ты это сделала! Ты это правда сделала!

Улыбаясь, Таня отодвинула трубку от уха, и продолжила слушать восторженные вопли собеседника.

Выговорившись, Олег сообщил:

– Шесть полос. Минимум. Будет больше – говори, отдам еще. Фотографии?

– Вполне достаточно, – успокоила Таня. – Но только самого Вяземского, фасада дома и окрестностей. Внутри особняка снимать он не разрешил.

– Танечка, свет очей моих! Алмаз сердца моего! Когда пришьешь материал?

– А какой гонорар? – мурлыкнула Татьяна. Разговаривая с Олегом, она включила ноутбук, достала из фотоаппарата флешку, и сейчас копировала снимки на жесткий диск.

– Естественно, верхняя планка.

– Фотографии оплачиваешь отдельно.

– А когда было иначе? – возмутился Олег.

– Ладно-ладно, не изображай оскорбленную невинность. Постараюсь прислать согласованный текст до конца недели.

– Танюша, жду. Жду и верю в тебя.

– Все. Отбой. Жди и верь.

Закончив разговор, Таня отключила мобильник, проверила почту – никаких стоящих внимания писем, и надела наушники.

Расшифровывать интервью оказалось на редкость просто: у Вяземского был ясный хорошо поставленный голос и великолепная дикция. Таня даже пожалела, что в тексте не удастся полностью передать его правильную русскую речь, без ненужного мусора, характерного для жителей современных российских мегаполисов.

В какой-то момент она поняла, что вместо того, чтобы записывать расшифровку, сидит и слушает, вспоминая вчерашний день, которого, как ей казалось, не могло быть в ее размеренной замкнутой жизни.

Порывы свежего ветра, запах мокрой березовой коры, холодный старый мрамор беседки под рукой...

И спокойный, уверенный в себе, мужчина, с легкой улыбкой смотрящий на собеседницу.

Нажав на кнопку «Пауза», Татьяна встала, и потянулась. Сделала несколько наклонов в стороны, потом вперед, дотягиваясь кончиками пальцев до пола.

Вроде бы, немного успокоилась, решила она, прислушавшись к внутренним ощущениям. Только романтических мечтаний сейчас не хватало, думала она, заваривая ройбуш в стеклянном чайнике «френч-пресс». Прихватив чайник и чашку, вернулась к компьютеру, и продолжила работу, уже не отвлекаясь и не позволяя себе расслабляться.

К вечеру интервью приобрело более или менее законченную форму, и Татьяна, распечатав текст, забралась с ногами на диван, и углубилась в чтение.

На секунду оторвавшись взгляд от текста, она обвела комнату взглядом.

Полумрак, комната освещена только теплым светом прикроватного бра. В колонках на столе негромко наигрывает что-то медитативное Karunesh, темным холмиком лежит на пороге балкона Мурч, за окном деловито шелестит неожиданно сильный весенний дождь.

– А ведь хорошо. По-настоящему, хорошо, – подумала она, и, сделав глоток отдающего нездешним жарким солнцем, напитка, вернулась к распечатке.

Следующее утро она начала с того, что проработала вводный текст статьи, добавила описания самой усадьбы и внутренних интерьеров, набросала портреты Вяземского и его колоритных служащих, после чего, с чувством выполненного долга отправилась соорудить себе и Мурчателю обед.

Поев, снова просмотрела текст, выловила пару опечаток, и, решив, что дальше тянуть смысла нет, отправила его, вместе с сопроводительным письмом, в пресс-службу «Нивва Лтд.».

Конечно, стоило бы теперь поработать над колонкой «Тайны города», которую она, вот уже три года вела для газеты «Жизнь в мегаполисе», но, побродив вокруг стола, плюнула, и стала собирать спортивный рюкзак, с которым ездила на занятия в фитнес-клуб.

К этому занятию ее приохотила Аня. Поначалу Татьяна ныла, закатывала глаза, узнав, сколько стоит клубная карта, и всячески отбрыкивалась.

Аня была неумолима. В конце концов, она привлекла тяжелую артиллерию, и, после разговора со своей мамой, Таня сдалась.

Через полгода занятий она разорилась на бутылку «Асти Мандоро», выкрала Аньку к себе на дачу, и они, в компании Татьяниной мамы, благополучно изничтожили напиток.

С того времени произошло много разных событий, Аня свои занятия бросила, а вот Татьяна втянулась настолько, что без физических нагрузок чувствовала себя некомфортно.

Сейчас она активно занималась тайбо – странной, на первый взгляд, смесью аэробики и кикбоксинга. Имитация ударов руками и ногами, силовые упражнения, жесткая ритмичная музыка, под которую проходили занятия – все это помогало ей очистить сознание от повседневных мелочей, почувствовать уверенность в себе, а приятная усталость после тренировки давала восхитительное ощущение полноты прожитого дня.

Налив Мурчателю свежей воды, она выскочила из квартиры, напевая что-то неопределенное под нос, слетела на первый этаж, и помчалась на тренировку.

Выполняя упражнения, Татьяна старалась максимально сконцентрироваться на них, изгнать из памяти воспоминание о путешествии за город, забыть человека, который, стоя у черной громады джипа, помахал ей вслед.

Тайбо свою миссию выполнил – придя домой, девушка, блаженно постанывая, стянула туфли, постояла, отмокая, под душем, и упала в кровать.

Спала крепко, без сновидений.

## Глава 4

Утром подскочила, задыхаясь. На грани сна и яви, подстерег таки, неожиданный кошмар. Вроде бы ничего особенного – она идет домой мимо гаражей. Ночь, накрапывает легкий дождь. И вдруг, из черноты, притаившейся между мусорным контейнером и стоящей поблизости ракушкой, ее окатывает холодная незримая волна. Словно кто-то очень страшный и невыносимо чуждый осмотрел с ног до головы, снял мерку. Она ускоряет шаг – вот, уже в нескольких шагах ограда палисадничка, разбитого возле дома, уже виден силуэт опера Лёши из угловой квартиры первого этажа – ходит по комнате, потягивается, ставит что-то на верхнюю полку шкафа. Татьяна во сне удивляется, как же она может видеть такие подробности, но в это время темнота вокруг резко сгущается, и дом начинает удаляться. Она бежит по дорожке, но дом делается все меньше и меньше, и все яснее ощущение недоброго взгляда в спину. И все холоднее и холоднее вокруг.

Утро... теплое, сырое, полное влажных серых туч, плывущих над Москвой. И все равно – радостное. Весеннее.

Ойкнув, она откинула одеяло, и босиком, с удовольствием ощущая ступнями холодный паркет, побежала к столу. Нашарила в сумке мобильник, и включила. Такое с ней случалось редко – телефон она отключала только, когда работала над материалом. В это время она не терпела никаких отвлекающих факторов.

Так и есть – пропущенный звонок и SMS:

– Татьяна, пожалуйста, перезвоните мне. Николай.

Сердце замерло и ухнуло куда-то вниз. Настроение почему-то ухудшилось, пол перестал приятно холодить ноги, вместо этого по телу прошла волна озноба.

Решив, не тянуть, она нажала кнопку вызова:

– Да-да, Татьяна, здравствуйте!

Корпоративно позитивный голос, совершенно непонятно, что стоит за этой вежливостью.

– Здравствуйтесь, Николай. Вы просили меня перезвонить.

– Именно так! Именно так, Татьяна! Я просмотрел интервью, отправил его Яну Александровичу.

– И каков вердикт? – стараясь, чтобы фраза прозвучала как можно более иронично, спросила Таня.

– Замечательно! Чудеснейшее интервью. Ян Александрович искренне тронут той деликатностью, с которой вы подали материал. Так что, мы с нетерпением ждем выхода журнала.

– Конечно. Я сразу же сообщу, – вежливо закончила разговор Таня.

Нажав кнопку отбоя, она аккуратно положила телефон на стол, после чего радостно завопила «И-и-и-и-и!», и прошла по комнате колесом.

Увы, размеры «однушки» не давали развернуться, так что, совершив один оборот, она задела ногой кровать и шлепнулась голой попой на холодный пол.

Выдохнув, отправилась умываться и кормить недовольно орущего Мурча.

– Олечка? Ага. Все утвердили, я сейчас пришлю тебе текст и вечером заеду сама, привезу снимки. Ну, да. Вместе и отберем.

Положив трубку, Таня сунула в бумажник флешку с отобранными снимками, и решила заняться колонкой «Тайны города».

Работа над этой колонкой была для Татьяны бесконечной борьбой с редактором, постоянно требовавшим сенсаций, кровавых подробностей, расчлененных тел, известий о незаконных застройках и оргиях олигархов. Татьяна же пыталась рассказывать об исторических лично-

стях, приложивших руку к современному облику Москвы, загадках прошлого, показать связь тех давно ушедших времен с нынешними стремительно проносящимися днями.

Поскольку писала Татьяна хорошо, и колонку ее читали с удовольствием, то редактор заламывал руки, кричал об актуальности и требованиях издателей, но материалы принимал исправно.

Уже несколько месяцев она собиралась написать о «восстановлении» Измайловского кремля. Хватало загадок и в самом пожаре, но на них Татьяна намекала довольно скупое – точных фактов не было, а копать в этом направлении не хотелось – одинокая работающая девушка могла запросто схлопотать тяжелым предметом по голове.

Но и в самом восстановлении хватало преинтереснейших фактов. Поговорив с сотрудниками магазинчиков, открытых внутри «подворья 17-го века», она узнала, как ходил по стройке архитектор-самоучка, которому доверили руководить восстановлением, и произносил исторические фразы, вроде «я произвожу тюнинг башен».

Долгое время материал не шел, Татьяна никак не могла подобрать подходящие обороты, статья расплзалась, и, шипя от злости, она удаляла файл.

А сегодня, совершенно неожиданно, все получилось словно само собой – она будто со стороны следила за своими пальцами, порхавшими по клавиатуре.

Поставив последнюю точку, она выдохнула, как после хорошей пробежки, и откинулась на стуле с удовлетворенным выдохом: – Й-е-е-с!!!

Сохранив файл, она посмотрела на часы – времени до поездки в редакцию предостаточно, можно часок побегать.

Одним из огромных преимуществ своего жилья она считала близость Измайловского парка.

Выйти из подъезда, дойти до угла, пересечь двор и, вот он, остается только наискосок пробежать по асфальтированной площадке, на которой недавно стали вырастать палатки продуктовой ярмарки.

А в парке – красота. Прозрачная весенняя тишина, запах мокрой, еще холодной, лишь недавно освободившейся от снежной шубы, земли. Пронзительное весеннее солнце раздвинуло тучи, и лужи, лужицы и ручейки вспыхнули острыми алмазными лучами.

Немногочисленные мамы с колясками и фанаты-велосипедисты не нарушали картину безмятежности, а были ее частью, еще больше подчеркивая глубокое спокойствие весеннего леса.

Необыкновенно хорошо бежать, сосредоточившись на дыхании, движении ног, понемногу выбрасывая из головы ненужные мелкие мысли, кажущиеся такими важными в городе.

Холодный прицельный взгляд кольнул бегунью в спину и пропал, ушел в сторону, вернулся.

Споткнувшись, Таня сбилась с шага.

Остановилась, согнувшись, уперлась ладонями в колени, тяжело восстанавливая ритм дыхания. Рядом никого, кто мог бы **так** смотреть. Возится на детской площадке, которую она только что оставила за спиной, малышня, на скамейке покуривает парочка молодых мамаш. На них неодобрительно смотрит, поджав тонкие морщинистые губы, строгая бабушка в синем берете. Эта, конечно, и словом и взглядом полоснуть может, но чтобы так...

Да и не верила Татьяна особо во все эти ощущения взгляда и прочие сглазы.

Бежать дальше не хотелось, и она, развернувшись, затрусила, постепенно наращивая темп, к дому.

Бодрую футурамовскую мелодию своего мобильного, она услышала, когда поворачивала ключ в двери. Ворвалась в квартиру с криком, – Иду! Иду! Да не надрывайся ты!

Незнакомый номер...

– Алло? Слушаю!

– Татьяна Владимировна, здравствуйте. Это Вяземский.

– Слушаю вас, Ян Александрович, – настороженно ответила Таня, присаживаясь на диван. Мурч тут же запрыгнул на колени и принялся топтаться, требуя, чтобы его чесали.

– Татьяна Владимировна, во-первых, я хотел поблагодарить вас за прекрасное интервью.

– Спасибо большое, – она постаралась скрыть облегчение. Услышав голос Вяземского, сразу же подумала, что тот передумал насчет публикации.

– А во-вторых, я хотел пригласить вас на открытие выставки. Это небольшая, но очень интересная выставка искусства индейцев Южной Америки. Буду очень рад, если вы согласитесь.

Татьяна не отвечала, сидела, кусая губы. Перед глазами пронесся тот вечер, после которого она написала заявление об уходе из крупной фирмы, где проработала четыре года и дала себе зарок никогда не связываться с «корпоративной культурой». Работала она начальником эвент-отдела. В переводе с корпоративного на русский, на ней была организация всех пресс-конференций, презентаций и прочих мероприятий.

В тот день она измоталась так, что еще до начала вечера чувствовала, как ее пошатывает. Мечтала только том, чтобы все это поскорее закончилось.

Неожиданно перед ней оказался один из гостей, перед которым директор фирмы плясал на задних лапках. Важная персона являлась совладельцем одной из крупных розничных сетей Москвы. Сейчас персона была пьяна и жаждала развлечений.

Окинув Татьяну оценивающим взглядом, персона сконцентрировалась и родила мысль:

– Деточка, ты поедешь со мной в «Дягилев». А потом мы от всех убежим ко мне на дачу.

Гар-рантирую романтический завтрак.

Таня почувствовала, как ее накрывает волна веселого бешенства. Нежно положив ладонку на лацкан персонного пиджака, она с томной хрипотцой спросила:

– А вы кто, уважаемый?

Вип-гость умолк, пытаясь сконструировать ответ. Пошатнулся, и во внезапно наступившей тишине, громко представился:

– Я – совладелец!

И застыл, вздернув подбородок,

Таня громко от души рассмеялась, дружески хлопнула его по груди, и звонко ответила:

– Пошел ты на х...й, совладелец!

Развернулась, и ушла. Из ресторана, и из фирмы.

Словно со стороны она услышала свой голос:

– Ян Александрович, спасибо, но я не сплю с теми, у кого беру интервью. Вне зависимости от их положения и достатка.

В груди разлилась холодная пустота. Показалось, что, вот прямо сейчас, она вычеркнула из своей жизни что-то хорошее и важное, что могло бы случиться, но теперь никогда не произойдет.

Сейчас Вяземский положит трубку и навсегда исчезнет из ее жизни. Потому что, таким как он нет места в однокомнатных квартирах таких, как Татьяна Береснева.

– Татьяна Владимировна, скажите, разве я дал вам повод заподозрить меня в чем-то подобном? – голос все так же спокоен и вежлив. Ни малейшего следа затаенной обиды.

– Нет, не давали, но...

– Тогда, я вас очень прошу, поверьте что, приглашая вас на открытие выставки, я имел в виду именно то, о чем говорил. Теперь, когда мы поняли друг друга, я спрошу еще раз. Вы согласны?

– Да... То есть... А когда, а где... – Таня поняла, что мямлит в трубку что-то совершенно нечленораздельное, и покраснела.

– Завтра в девятнадцать часов я заеду за вами. Хорошо?

– Да-а, но... Да мне пойти не в чем на такое мероприятие! – в отчаянии выпалила Таня, чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы. Она явственно представляла себе дородных мужчин в смокингах, сопровождаемых сногшибательными блондинками с пустыми глазами и сумочками от Диора или Hermes.

– Уверю вас, Татьяна, это не светский раут и не мероприятие для миллиардеров. И потом, я уверен, вы будете выглядеть замечательно. А теперь, скажите, пожалуйста, куда за вами заехать?

С трудом соображая, что происходит, Таня продиктовала адрес. Вежливо попрощавшись, Вяземский закончил разговор.

Несколько минут, она неподвижно сидела на диване, глядя на прямоугольник коммуникатора, ойкнула, и бросилась к платяному шкафу.

Вихрем ворвавшись в редакцию, Таня выдернула Олега из курилки, усадила за рабочий компьютер, и сунула в руки флешку с фотографиями:

– На. Сливай снимки, и давай отбирать. У меня пятнадцать минут времени.

– Спокойно! Спокойно, мать! Выдохни. Сейчас разберемся.

Татьяна приплясывала у монитора, поглядывая на часы. Олег не выдержал:

– Слушай, не мельтеши! Ты куда-то опаздываешь?

– Ага. В парикмахерскую.

Олег глянул с интересом, буркнул «ну-ну», и вернул флешку:

– Все, вали. Я сам все отберу, снимки по полосам раскидаю. Если надо будет сокращать-дописывать, позвоню. Испаряйся.

Парикмахерская, салон красоты, маникюр, уже в девятом часу выловленная Аня, бракующая седьмую блузку. Дома критический осмотр брючного костюма, холодный ужас – туфли! Не подойдут!

Срочная примерка – вроде не все так страшно, теперь с блузкой, не подходит! Хотя, нет, это она уже придирается. А украшения?! А сумочка?! Не с рюкзаком же идти!

В конце концов она села посреди разгромленной в поисках сумочки комнаты, обозвала себя дурой, повесила костюм и выглаженную блузку на плечики, напредила сама себе, что на пресс-конференции и презентации она ходит регулярно, и завалилась спать.

Утром снова начался мандраж. как ни пыталась она уговорить себя, что это всего лишь очередное скучноватое мероприятие, куда ее пригласили только из чувства благодарности – не помогало. к трем часам она уже жалела, что не курит.

В четыре – обозвала себя идиоткой и неврастеничкой и заварила очередную чашку чая – кусок в горло не лез, и за весь день она сумела затолкать в себя только бутерброд с брынзой.

К шести она решила, накладывая и стирая макияж, что звонок Вяземского не более, чем глупая шутка миллионера, и никто за ней не придет. Одеваясь, успела придумать несколько коварных планов мести бездушному мерзавцу и представить, как горько она будет плакать, когда автомобиль так и не появится.

Без трех минут семь, она увидела, как во двор осторожно протискивается неброский, но, явно, безумно дорогой автомобиль. Марку опознать не смогла, но весь внешний вид авто говорил о неброском, но знающем себе цену, богатстве.

Звонок коммуникатора заставил ее подскочить и броситься в комнату.

– Алло?

– Здравствуйте, Татьяна. Вы не назвали номер квартиры, так что, я жду вас внизу, у машины.

– Да-да. Я видела, как вы подъехали. Я сейчас спущусь.



Закончив разговор, она зашипела от досады. Ну кто просил говорить, что она видела машину?! теперь он наверняка решит, что якобы неприступная журналисточка просто набила себе цену, а сама только и ждет, как захомутать выгодного жениха!

Все-все, думать уже некогда. В последний момент она бросила в сумку плоский фотоаппарат-«мыльницу» и выдохнула, как перед прыжком в холодную воду.

Проверив, где изволит дремать Мурч, которому смертельно надоела хозяйкина суета, она зацокала вниз по ступенькам, моля бога, чтобы не подвернулся каблук.

Вяземский ждал ее возле машины.

– И снова, здравствуйте, Татьяна. Вы совершенно напрасно переживали – выглядите прекрасно.

Вяземский улыбнулся – искренне, без напряжения. Татьяна посмотрела ему в глаза, да, в глазах тоже прыгает сдерживаемая смешинка.

Она моментально почувствовала себя спокойно и раскрепощено.

– Здравствуйте, Ян Александрович. Хорошо, что вы одеты вот так.

– Как это, так? – удивился Вяземский.

– В обыкновенный человеческий костюм. Я уже решила – если окажется, что вы в каком-нибудь фраке-смокинге, тут же разворачиваюсь и запираюсь в квартире.

– Скажу по секрету, – понизил голос Ян, – я даже костюмы искренне ненавижу. Но, приходится носить. Положение, знаете ли, обязывает.

– Однако, садитесь, садитесь же, – открыл он заднюю дверь автомобиля, делая приглашающий жест.

Внутри пахло кожей, легким мужским одеколоном и чем-то еще, неопределенным, чуть пряным, но очень приятным. Татьяна так и не смогла определить этот запах, но он ей решительно понравился.

Никакой перегородки между ними и водительским местом не было, и это Татьяне тоже понравилось.

За рулем сидел уже знакомый крепыш Владимир. Дружески ей кивнув, он сосредоточился на нелегком деле – выезде из московского двора. С задачей он справился блестяще, и вскоре они уже двигались к центру города.

– А где все это будет происходить? Я, к стыду своему, ничего об этой выставке не слышала, хотя за такими событиями слежу, – нарушила тишину Татьяна.

– То, что не слышали, неудивительно. Это выставка из разряда «для своих», проходит она в особняке в центре Москвы. Кому особняк принадлежит, я не знаю. А вот о выставке договаривалось посольство Мексики и некий частный коллекционер. Но никаких афиш не было. Да, не было.

Последние слова Вяземский произнес с какой-то непонятной задумчивостью и на некоторое время замолчал. Таня не хотела нарушать установившуюся тишину, но бизнесмен как-то внутренне встряхнулся и снова стал радушным хозяином.

Автомобиль остановился, Владимир вышел и открыл пассажирскую дверь. Вяземский ступил на тротуар, быстро осмотрелся и нагнулся к машине, протягивая Татьяне руку:

– Позвольте вам помочь. Мы на месте.

Таня считала, что весьма неплохо знает Москву но, выйдя, совершенно растерялась. За дорогой она не следила, и сейчас не могла определить, в каком районе располагается внушительный особняк, отгороженный от улицы деревьями старого парка.

Ко входу вела широкая мраморная лестница, на которой сейчас стояли, переговариваясь, несколько человек. Оставив Владимира возле машины, Вяземский и Татьяна неторопливо поднялись к двустворчатым дверям, за которыми их ожидали встречавшие гостей люди в неброских серых костюмах, одному из которых Вяземский, не глядя, протянул приглашительные билеты.

С несколько рассеянным видом он осматривался по сторонам, словно искал кого-то знакомого. Татьяна же присматривалась к окружающей обстановке.

Поблагодарив, встретивший их молодой человек вернул билеты и предложил пройти в зал, куда вели высокие белые двери.

В зале в два ряда стояли длинные столы, на которых гостей выставки ожидали легкие закуски, фрукты, красное и белое вино, минеральная вода. Татьяна присмотрелась к бутылке, из которой девушка в белой униформе с вензелем известного ресторана разливала красное вино. И тихонько хмыкнула – недорогое чилийское. Для закрытого элитного мероприятия можно было бы и разориться на что-нибудь более впечатляющее.

Заканчивался зал широкой мраморной лестницей, по которой можно было подняться на второй этаж. Очередные высокие двери, к которым и вела лестница были открыты и с того места, где стояла Татьяна, она видела фрагмент высокого потолка с лепниной.

– Сама выставка, как я понимаю, там, наверху? – кивнула она в сторону лестницы.

– А? Да-да, там, – несколько рассеянно ответил Вяземский, и снова сделал невидимое глазу усилие, сосредотачиваясь на спутнице.

– Кстати, что же мы тут стоим, пойдемте наверх, – и он снова галантно предложил ей руку.

Татьяна вынуждена была признать, что несколько старомодная галантность Вяземского, его манеры, вызывающие в памяти образы блестящих офицеров императорской гвардии из приключенческих романов и фильмов, производили неизгладимое впечатление. В его присутствии она чувствовала себя настоящей леди, аристократкой, даже походка, с удивлением осознала она, изменилась, стала плавной и неспешной.

Она даже мимолетно пожалела, что на ней совсем не романтичный, хотя и отлично сидящей на ладной фигурке, брючный костюм, а не вечернее платье.

Впрочем, успокоилась она, обведя окружающих взглядом, она здесь не одинока. Вечерних платьев в поле зрения не наблюдалось.

Гости постоянно входили и выходили из широких дверей, обмениваясь впечатлениями, в особняке стоял негромкий плотный гул, характерный для художественных выставок и презентаций.

Татьяна и Вяземский вошли в зал.

Неяркое верхнее освещение создавало атмосферу таинственности, почти интимности, очертания зала терялись в сумерках, заставляя посетителей сразу же всматриваться в яркие световые пятна скрытых ламп, подсвечивающих стеклянные кубы.

Татьяна подошла к ближайшей стеклянной тумбе и остановилась, зачарованная.

Золотое украшение, подсвеченное холодным мертвенным светом, притягивало и отталкивало одновременно – прекрасное грубой жестокой красотой, манящее темной кровавой силой.

Вяземский подошел, остановился, глядя на украшение из-за Таниного плеча.

Она обернулась:

– Вы же жили в Эквадоре, да? Для вас, наверное, все это не так интересно.

– Зря так думаете. Да, конечно, я много общался с индейцами, но не забывайте, во-первых, я белый. Во-вторых, это выставка посвящена искусству ацтеков и тольтеков. А к ним отношение даже среди индейцев Южной Америки особое.

– Особое, это какое?

Вяземский мимолетно задумался, подбирая слова.

– Понимаете, на бытовом уровне это почти не ощущается, особенно человеком европейской культуры, рационалистом. А вот шаманы, да и просто знающие люди относятся к ним со смесью страха, ненависти и уважения.

Вяземский выделил голосом слово «знающие», как будто произносил его с заглавной буквы.

– Ненависти? – удивленно вскинула бровь Таня.

– Именно так. Цивилизация ацтеков показалась бы нам совершенно бесчеловечной. Судя по тому, что нам известно, другие племена, другие народы, служили им не более, чем источником рабов и ритуальных жертв.

Они медленно перешли к следующему экспонату. Татьяна почему-то мимолетно устыдилась, что там мало знает об этом удивительном народе, да и о Южной Америке вообще. Несмотря на любовь к истории, ее познания ограничивались фильмом Мела Гибсона «Апокалипсис», половину которого она просидела прикрыв глаза от ужаса, да несколькими приключенческими книгами, прочитанными еще в юности. Это о Москве и Питере она могла говорить часами, но Америка... Тут она была полным профаном.

Словно почувствовав ее смущение, Вяземский негромко заговорил, ненавязчиво взяв на себя роль экскурсовода. Он рассказывал об истории каждого предмета, обращал внимание своей спутницы на тот или иной особенно интересный фрагмент узора или изображение божества и, постепенно, Татьяну полностью захватил его рассказ.

Мелькнула мысль, что он знает куда больше, чем показывает, но исчезла, не оформившись.

Незаметно, она прошли вдоль всего зала и возвращались по его противоположной стороне к дверям. Судя по всему, знакомых у Вяземского здесь почти не было. Лишь пару раз он кивнул неприметным мужчинам средних лет, в одиночестве стоявшим возле стеклянных тумб. Честно говоря, этим Татьяна была несколько разочарована – по знакомым можно многое узнать о человеке.

Почти у самого выхода они столкнулись с невысоким смуглокожим человеком в темном деловом костюме и белоснежной сорочке с жемчужными запонками.

Роль галстука выполнял кожаный шнурок, прихваченный у горла золотым зажимом, изображавшим, как показалось Тане, ацтекского воина, держащего в руке связку странных изломанных копий.

Острые черты смуглого лица почти неуловимо исказились в гримасе недовольства, но почти сразу оно засияло лучезарной улыбкой. На прекрасном русском языке смуглолицый обратился к Вяземскому:

– Ян Александрович! Какая приятная встреча! Я искренне рад, как это правильно – свидетельствовать свое расположение?

– Свое почтение, вы хотели сказать, дон Мануэль, так? – сдержанно улыбнулся Вяземский.

– Да-да! То так! – восхитился дон Мануэль.

– Позвольте представить, Мануэль Лесто, мой хороший знакомый. – отрекомендовал смуглокожего Ян.

Латиноамериканец учтиво, как показалось Тане, даже чересчур учтиво, поклонился и, взяв ее ладонь, легонько сжал сухими горячими пальцами:

– Искренне рад познакомиться со столь очаровательной дамой! Искренне! Искренне рад!

– Моя спутница – Татьяна Владимировна Береснева. – коротко сказал Вяземский и обратился уже к Лесто:

– Дон Мануэль, уверен, наши разговоры будут невыносимо скучны Татьяне Владимировне.

– О! Конечно-конечно, я как раз собирался... я не смею вам мешать, – и смуглый дон явно собрался раствориться в полумраке зала, но Вяземский неожиданно крепко ухватил его за локоток.

– Поэтому, я думаю, госпожа Береснева простит нас, если мы ее ненадолго покинем? – вопрос явно адресовался Тане. Та почувствовала неожиданную горечь, но, протестовать, конечно же не стала.

– Я покину вас, господа. Спущусь вниз, возьму что-нибудь попить, – и, мило улыбнувшись, Таня вышла из зала. Взяв бокал красного вина, она оперлась о перила балкона и стала наблюдать за входящими и выходящими из входных дверей людьми.

Знакомые лица не попадались, и она снова подумала о том, сколько же в Москве вот таких, скрытых от посторонних глаз, мест, сколько странных, почти не пересекающихся пластов жизни одновременно существует в огромном сумасшедшем мегаполисе.

Неожиданно мелькнувшая внизу фигура привлекла ее внимание. Татьяна присмотрелась. Да, точно, из зала выходила знакомая журналистка, сотрудничающая с несколькими гламурными журналами. Таня уже собралась окликнуть знакомую, но вовремя спохватилась, и заспешила вниз по лестнице.

Увы, догнать Ленку не удалось. Когда Татьяна открывала дверь особняка, та уже садилась в чей-то серебристый Мерседес.

Татьяна вернулась в зал. Убивая время, пошла вдоль зала, разглядывая фотографии экспонатов, вывешенные на расставленных залу стен стендах. Особого впечатления снимки не производили, куда интереснее оказалось читать достаточно подробные пояснительные надписи, размещенные под снимками.

Время от времени она посматривала вверх – не появился ли Вяземский.

В очередной раз, выглянув из-за стенда, она увидела его, беседующим со смуглым латиноамериканцем. Взяв собеседника за локоть, Вяземский неторопливо шел по круговому балкону второго этажа. Наконец они остановились за колонной и теперь стояли так, что заметить их можно было только снизу, да и то не отовсюду.

В зале стоял негромкий гул и голоса со второго этажа слышно, конечно же, не было. И все же Татьяне показалось, что вокруг Вяземского и дон Мануэля тишина сгустилась, приобрела вес и форму, сделалась плотной. Даже свет вокруг фигур казался приглушенным, делая силуэты размытыми, погруженными в тень.

Не думая, зачем она это делает, Таня достала из сумочки фотоаппарат, отключила, чтобы не привлекать к себе внимания, вспышку, и направила объектив на стенд. Чуть сместила – на дисплее видеоискателя показались фигуры на балконе. Нажав рычажок, она максимально приблизила фигуры и сделала несколько снимков, после чего убрала фотоаппарат обратно и вернулась к чтению подписей под фотографиями.

Допив бокал, она поставила его на ближайший стол, и глянула на часы. Однако уже перевалило за полночь! Посмотрев вверх, она не увидела Вяземского. Можно было, конечно же, пойти и поискать его, но Татьяне претило навязываться. Не хотелось зависеть от малознамого человека, который, теперь это стало совершенно ясно, пригласил ее только для того, чтобы отдать долг вежливости, да еще и бросил при первой возможности.

Решив, что она ждет еще десять минут, после чего уходит и добирается до дома самостоятельно, Татьяна вернулась к столам. Положив на тарелку несколько ломтиков ананаса и гроздь винограда, пристроилась около большого окна, выходящего во внутренний двор особняка.

Бездумно глядя в окно, она отщипывала виноградины и одну за другой отправляла их в рот. Неожиданно Таня увидела, как во дворе появился латиноамериканец, с которым беседовал Вяземский. Видимо, он вышел из служебной двери, невидимой из окна. Дон Мануэль казался явно возбужденным, даже встревоженным. Нервным движением закулив, он заходил по дворику, сунув левую руку в карман, а правой резко поднося сигарету ко рту. В несколько глубоких затяжек докурив сигарету, бросил окурочок под ноги, растоптал его каблуком, и достал из кармана мобильник.

Таня обратила внимание что Лесто, судя по движению пальцев, не воспользовался адресной книжкой, а полностью набирал все цифры номера. Замер, дожидаясь ответа. Заговорил горячо, размахивая свободной рукой.

Так, с телефонной трубкой возле уха, он и исчез из поля зрения Татьяны.

А над ухом у нее раздался негромкий виноватый голос:

– Татьяна, я могу рассчитывать на то, что вы меня простите?

Таня обернулась. Вяземский стоял, всем видом выражая искреннее раскаяние. Она прищурилась:

– Ян Александрович, вот, если честно, то мне кажется, что вы играете. И нисколько вам не стыдно.

Вяземский посерьезнел, подобрался:

– Знаете, если уж честно, то мне действительно, очень неудобно, но не стыдно. Состоявшийся разговор был крайне важен, и я нисколько не стыжусь того, что поступился нормами этикета. Это совершенно не значит, что я не испытываю неудобства и того, что мне действительно неприятно. Поверьте, ваше общество куда приятнее, чем общество дона Мануэля.

Татьяна приснула и чуть не подавилась виноградиной. Поставив тарелку на подоконник, она сделала глоток воды и снова рассмеялась:

– Ну, это, конечно, комплимент! Просто неотразимый! После такого заявления вы прощены. Окончательно и бесповоротно! А потому, если это вам удобно, отвезите меня домой. Завтра мне рано вставать и до упора сидеть, выискивая подробности о деятельности Якова Брюса.

– Брюса? – удивился Вяземский. – А с чем связан такой интерес к этому авантюристу?

Удивляясь собственной наглости, Таня взяла его под руку и повела к выходу:

– Пойдемте. По дороге расскажу. Так вот. Есть такая газета...

Она болтала всю дорогу. Вяземский оказался прекрасным слушателем. Он не перебивал, очень к месту вставлял точные и краткие замечания, и, как оказалось, был очень осведомленным в вопросах истории России человеком.

Татьяну поразило еще и то, что в беседе участвовал водитель Владимир. Безукоризненно сохраняя уважительное отношение к своему шефу, он задавал интересные вопросы, заставлявшие Татьяну продолжать рассказ и, похоже, искренне интересовался прошлым Москвы.

Время пролетело совершенно незаметно, и когда автомобиль остановился, Татьяна не сразу сообразила, что они стоят во дворе ее дома.

– Спасибо вам. Очень интересная выставка. И за беседу спасибо. И вам, Владимир, тоже – обернулась Таня к водителю.

– Подождите немного, Татьяна Владимировна, – обратился к ней Вяземский. – Пожалуйста, не поймите меня превратно и не расценивайте этот жест приязни и уважения в неверном свете. Я хотел бы подарить вам небольшой сувенир.

И он достал из кармана небольшой замшевый мешочек. Развязав тесемки, извлек на свет кулон в виде листа незнакомого Татьяне растения. Чем-то лист напоминал кленовый, но лишь напоминал. Взявшись за конец цепочки, на которой кулон был подвешен, он протянул его Татьяне, и очень серьезно сказал:

– Считайте, что это амулет. Он будет помогать вам в..., – тут Вяземский чуть помедлил, – серьезных и неприятных переговорах и поможет при неожиданных встречах.

Таня положила кулон на ладонь. От этой скромной маленькой вещицы исходили уверенность и доброжелательность, ощущение теплого металла успокаивало. Она сжала кулак:

– Знаете, а ведь я не обычно не принимаю подарков от малознакомых мужчин... Но вот эту вещь... Спасибо вам.

И она сама распахнула дверь автомобиля.

Вяземский вышел следом.

– Татьяна Владимировна, я могу вам позвонить и пригласить, скажем, отобедать.

Чуть приподняв голову, Татьяна смотрела в его очень серьезные и спокойные глаза.

Ужасно хотелось ответить – да, конечно, это будет так славно. Но, прикусив губу, она помолчала, и ответила:

– Знаете, может мне лучше вернуть подарок? Поскольку я не могу вам сейчас ответить «Да».

И она протянула ему кулон.

Вяземский мягко накрыл ее ладонь своей, снова сжимая ее в кулак.

– Нет-нет. Оставьте, пожалуйста. И пожалуйста, не расценивайте этот подарок как способ давления. Но я оставляю за собой право позвонить.

Таня молча кивнула.

– Да, и еще, – добавил Вяземский. – Дайте мне слово, что будете носить кулон, не снимая. Хотя бы несколько дней.

– Почему именно несколько дней? – удивилась Таня.

– Считайте, что я немножко провидец. В ближайшие дни он вам понадобится! – и Вяземский сел в машину.

Почти беззвучно заработал двигатель, и мощное авто, плавно развернувшись, покинуло двор.

## Глава 5

– Это, значит, площадь Европы? – скептически огляделся вокруг Олаф.

Вяземский стоял чуть позади, задумчиво глядя на мост, по которому несколько дней назад бежал его предшественник.

За спиной гудел суматошный Киевский вокзал, вокруг которого мельтешили людские толпы, груженные пластиковыми сумками «мечта мародера», потрепанными рюкзаками, а то и просто тюками, сооруженными из немыслимого тряпья.

Олаф покосился на шефа и, видя, что тот не отвечает, продолжил:

– Назвать именем Европы одно из самых азиатских мест Москвы, в этом есть какой-то исконно русский черный юмор. Я вот, давно уже общаюсь с вами, Ян Александрович, но не устаю поражаться вашим соплеменникам.

– Я и сам не устаю им поражаться, Олаф, поверьте, – рассеянно ответил Вяземский и, оглянувшись через плечо, посмотрел в сторону гостиницы «Киевская».

– Олаф, что вы видите? – спросил он норвежца, поворачиваясь в сторону вокзала.

– Толпу. – кратко ответил тот и продолжил, не дожидаясь следующих вопросов, – Толпу, Ян Александрович. А это значит, что шел Мартынюк, скорее всего, не со стороны вокзала. А, возможно, вдоль набережной. Вот оттуда, – махнул он рукой направо.

– Олаф, а если людям отвели глаза? – Вяземский оставался все в той же меланхолической задумчивости.

Он медленно пошел через площадь к мосту. У самых ступеней остановился, задрал голову, глядя на вход в стеклянную трубу. По мосту спешили люди, процокала мимо стайка офисных девиц в туфлях на шпильке, сердито сопя, толкнул Яна толстяк с расплывающимся коричневым портфелем в руках. Вяземский словно не замечал людей.

Его глаза пытались рассмотреть ту ночь, когда по мосту бежал человек, наверняка узнавший что-то важное. Настолько важное, что кто-то решил убрать резидента Ордена, нарушить Протокол Нейтралитета. Это, знаете ли, едва ли не объявление войны.

Олаф встал рядом, негромко спросил:

– А может, случайная жертва? Классическое «не в то время, не в том месте»?

– Сами-то верите, а? – с укоризной спросил Вяземский.

– Не-а. Ни на секунду, – характерное русское «не-а» норвежец выговаривал с наслаждением, словно ребенок, недавно выучивший новое слово.

– Вот и я – не-а. Давайте поднимемся, – не дожидаясь ответа норвежца, Вяземский энергично зашагал вверх по ступеням. На той ступени, где Мартынюк оступился и разбил колено, он задержался, не обращая внимания на спешащих людей, закрыл глаза и коснулся кончиками пальцев края ступени.

Выпрямившись, заспешил дальше.

С любопытством поглядывая по сторонам, он шел вдоль моста, надолго замирал, у прозрачной стены, глядя на открывающуюся с высоты панораму Москвы.

В очередной раз застыв, Вяземский закрыл глаза и поморщился. Заметив это, Олаф с озабоченностью спросил:

– Что-то почувствовали, Ян Александрович?

– Нет, друг мой, ничего конкретного. Просто здесь очень хорошо ощущается, насколько безумен этот город.

Олаф пожал плечами:

– Это же мегаполис.

– Дело не только в этом. Посмотрите по сторонам – город кто-то пришпоривает. Его суета уже перешла в истерические судороги. Если так пойдет и дальше, то он не выдержит. Город похоронит сам себя. Взорвется, или застынет в коллапсе.

– Будем надеяться, что этого все же не произойдет, – пробормотал норвежец, глядя на медленно ползущие в зарождающейся пробке автомобили на набережной. – Вы что-то почувствовали там, на ступенях?

– Да. Нашел место, где он разбил ногу.

– А сейчас что-нибудь ощущаете?

Вяземский недолго помолчал:

– Да. Мартынюка гнал кто-то очень сильный. И этот кто-то использовал холод и ветер. Вспомните, как его убили – перерезав осколком стекла артерию. Вы сами показывали мне снимки. Такой осколок никто не стал бы держать в руке – крайне неудобно. Нет – его подняли в воздух и швырнули в горло жертве вместе с порывом ветра.

– Я запрашивал наши посты контроля – никто не зарегистрировал серьезных возмущений в Приграничье.

– Факт этот сам по себе ничего не значит, сами знаете. Есть немало существ, которые могут использовать ветер и не прибегая к силам Той Стороны.

– Меня больше беспокоит другое, – сказал Олаф, – с кем встречался Мартынюк и почему после встречи был вынужден уходить настолько отчаянным способом?

– Вот это нам и предстоит выяснить. А теперь, давайте найдем какой-нибудь ресторанчик потише и еще раз все обсудим, – предложил Вяземский.

Ресторанчик они решили поискать подальше от набережной, здраво рассудив, что соседство с автомобильной пробкой – не лучший вариант для спокойной беседы.

В одном из переулков обнаружилось то, что надо – неприметная харчевня из разряда «для своих», практически пустая, с уютным маленьким залом и не удивление расторопной официанткой, моментально объяснившей что брать стоит, а что – не очень, принявшей заказ, и умчавшейся на кухню.

– Мило. Простенько и мило, – высказался Олаф, и пробурчал что-то благодарственное, принимая из рук официантки высокий бокал яблочного сока.

Вяземский откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди:

– Возвращаемся к самому началу.

– Логично, – норвежец смаковал холодный сок и казался воплощением спокойствия. – Лично я узнал обо всем одновременно с вами. Кёлер вызвал нас буквально в один и тот же момент. Так что, вы излагайте, а я послушаю.

– Единственное, что смог сказать Кёлер, так это то, что Мартынюк не передавал ему никакой экстраординарной информации, и не вел никаких расследований, которые могли бы вызвать подобную реакцию. Обычная рутинная работа, контроль Приграничья, редкие визиты к подписавшим Протокол, вот и все. Обстановка по обе стороны Границы в этом районе, по словам Кёлера тоже была чуть ли не сонная.

– Что возвращает нас к гипотезе – «не то время, не то место», – отсалютовал бокалом Олаф.

Их разговор ненадолго прервала официантка, сноровисто расставившая тарелки с наваристыми щами и корзиночку со свежим хлебом.

Не прерывая негромкой беседы, Олаф и Вяземский принялись за еду.

– Насколько я знаю, после подписания Протокола Нейтралитета, резидентов ордена убивали нечасто и, как правило, это было связано с попытками пробоя Границы. Но, в данном случае, нет никаких видимых следов подготовки, – сказал Вяземский.



– Именно. Но, все же, убили его с применением Сил, следовательно, кто-то из наших клиентов имеет к его гибели непосредственное отношение. Но не обязательно, что дело в подготовке пробоя.

– Да уж. В последние лет двадцать здесь творится такое, что никакого пробоя не нужно, – в сердцах бросил Ян. – Потеряли едва ли не всю структуру, которую налаживали десятилетиями, почти все, кого можно было считать союзниками, либо переселились, либо отправились на тот свет.

– Либо усиленно делают вид, что не имеют к нам никакого отношения, – закончил Олаф мысль Вяземского и, отправив в рот очередную ложку супа, продолжил, – но, при этом, обстановка в Приграничье остается достаточно спокойной. Складывается впечатление, что все настолько капитально уткнулись носами в землю и гребут деньги, что по сторонам, я уж не говорю, вверх, никто и не смотрит. Даже всплеск интереса к мистике, характерный для кризисных периодов и тот был достаточно слабым.

Вяземский аккуратно отодвинул тарелку, снова откинулся на спинку стула:

– Насколько я понимаю, «Спецотдел» также не сообщил ничего особо интересного.

– Нет, абсолютно ничего, – пожал плечами Олаф, – но не стоит забывать, что это, прежде всего, госструктура России, причем непосредственный наследник отдела КГБ, занимавшегося всяческой чертовщиной, а потому возможности у них сейчас достаточно ограниченные.

– И все же подобные отделы в разведках всех стран всегда предпочитали сотрудничать с Орденом. Если местные молчат, значит, Мартынюк и их ни во что не посвящал и, скорее всего, занимался рутинной.

– Мой контакт уверяет, что Мартынюк с ними давно уже не встречался, ограничиваясь стандартным оповещением «жив-здоров».

– М-да... не очень веселая картина получается, вам не кажется, Олаф? На фоне абсолютного спокойствия, погибает резидент Ордена. В европейской штаб-квартире мне сообщают, что никаких тревожных сигналов от него, никаких необычных запросов, они не получали. Обстановка на границе Миров по сообщениям постов слежения, в ночь убийства также совершенно спокойна.

Местная служба, контактирующая с нами, также не может сообщить ничего полезного, они считают, что обстановка вокруг стабильна. Подписавшие Протокол Нейтралитета, живущие в этом районе, делают честные глаза и клянутся, что ничего не происходит. Вам это ничего не напоминает, а, друг мой?

– Напоминает. Тихий омут, – очень серьезно сказал Олаф, и добавил, подумав, – И я очень хочу верить, что дело в банальной уголовщине.

Всю следующую неделю после посещения выставки Таня ждала звонка. Сначала она старалась себе в этом не признаваться, списывала все на усталость, перегрузки и весенний авитаминоз, но к среде притворяться надоело, и она честно сказала зеркалу:

– А ведь мог бы и позвонить, черт побери!

Высунувшийся в коридор на голос Мурч согласился коротким басовитым мявом.

– Итого, нас уже двое, – подытожила хозяйка. Легче не стало.

Между тем, рабочие дела шли на редкость хорошо, хотя и суматошно. Таня была даже рада этому – почти не оставалось времени на ненужные мысли, удавалось загонять их на задворки сознания.

Только поздно ночью, без сил падая в кровать, она снова вспоминала тот вечер в особняке, и стискивала в кулаке серебряный листок.

Наутро все вставало на свои места.

В пятницу вышел номер журнала с интервью Вяземского, и Татьяна ждала хотя бы звонка начальника его пресс-службы, но телефон молчал. Она пожалала плечами и уехала за город.

Выходные, проведенные у мамы, уже три года переселившейся на дачу, окончательно привели ее в обычное собрано-спокойное расположение духа, и ранним утром в понедельник ей удалось окончательно выбросить Вяземского и его таинственные разговоры и подарки из головы.

Кулон, однако, она не снимала – уж больно уютной оказалась вещица. Таня не выставляла ее напоказ – просто не снимала даже в душе, и за неделю серебряная цепочка и листок на ней стали частью ее тела.

Медленно плывя в утреннем сыром тумане, Татьяна вела свой Фольксваген к Москве. Ярославское шоссе, по которому она возвращалась в город, еще не встало, как обычно по понедельникам, и ей удалось довольно быстро доехать до Кольцевой. По дороге она прокручивала дела, которые необходимо сделать, и не сразу обратила внимание на коммуникатор, задуманно надрывавшийся в сумочке. Одной рукой она зашарила в сумке, проклиная собственную рассеянность – сколько раз давала зарок, садясь за руль доставать мобильник и класть на «торпеду»!

Номер незнакомый. Интересно, кто это в такую рань.

– Алло?

– Татьяна Владимировна? – деловитый, вежливо-корпоративный голос.

– Да, это я. Слушаю.

– Меня зовут Игорь Соловьев. Я директор по развитию издательского дома «Гейм-сайн». Татьяна Владимировна, мы могли бы с вами встретиться?

– А по какому поводу, если не секрет?

– Никаких секретов, конечно же, – с отрететированной задумчивостью заверил неведомый Соловьев, – наш издательский дом является одним из наиболее динамично развивающихся на отечественном рынке, мы постоянно расширяемся и заинтересованы с сотрудничеством с настоящими профессионалами. Я хотел бы обсудить с вами возможные условия сотрудничества.

Татьяна задумалась. У «Гейм-сайна» была не самая хорошая репутация в журналистской среде – поговаривали о том, что там диктует свою волю рекламный отдел, буквально заставляя писать о клиентах хвалебные статьи, поговаривали о хамском отношении к сотрудникам и поощрении стукачей. Авторам, однако, они платили хорошо и выплаты не задерживали.

Решив, что хуже точно не будет, она ответила:

– Давайте поговорим. Когда и где?

– Татьяна Владимировна, если вам удобно, то мы могли бы встретиться сегодня в десять. Скажем, в кафе «Эстерхази» на Китай-городе. Вы знаете, где это?

Татьяна знала. Безумно дорогое для нее кафе. Однако это деловая встреча и совершенно не обязательно там что-то заказывать, кроме минеральной воды или чашки кофе. А такие расходы ее бюджет выдержит.

Она посмотрела на часы. Доехать, поставить машину, сбегать в душ...

– В десять тридцать можно? Я сейчас на Кольцевой, не хотелось бы вас подводить, сами знаете, что такое московский утренний трафик.

– Да, конечно. В десять тридцать, – неожиданно легко согласился собеседник и закончил разговор.

Татьяна задумалась. Непонятно было, чем вызван такой интерес к ее скромной персоне. Бездарем она себя не считала, но и журналистом первого эшелона не была, зачастую сознательно избегая тем, касаться которых ей не хотелось. Благодаря излишней, как многие считали, безразличности, знали ее лишь немногие постоянные читатели колонки.

А тут целый директор по развитию сам звонит скромному журналисту-фрилансеру. Да еще с легкостью соглашается перенести встречу на целых тридцать минут. Как говорила незабвенная Алиса – все страньше и страньше.

Впрочем, скоро она встретится с этим директором и все станет ясно.  
Размышляя таким образом, Татьяна свернула на шоссе Энтузиастов.

Московское непредсказуемое движение еще раз оправдало свою репутацию – она поставила машину в гараж куда раньше, чем рассчитывала. Направляясь к подъезду, позвонила маме:

– Привет. Я уже около дома. Да, представляешь, даже нигде не стояла. Нет, сейчас поеду на встречу. Нет, мама. На деловую встречу. Вернусь – расскажу. Если будет, что рассказывать. Целую. Пока-пока.

Открыв дверь, она задвигалась в привычном ритме.

Почесать Мурча за ухом. Скинуть туфли. Насыпать коту корма, поменять воду. Открыть окно в кухне и балкон в комнате. Раздеться.

Теперь в душ. Высушить феном волосы, уложить. Наложить макияж. Слава богу, на это у нее уходило немного времени – косметику Татьяна недолюбливала и старалась пользоваться ею как можно меньше. Процесс «намакияживания» она называла «нарисовать основные черты лица».

На минуту застыла перед гардеробом, выбирая, что надеть. Хмыкнув, достала чистую глаженую футболку со зловещей физиономией дьявола и надписью «God is busy. Can I help you?». Натянула любимые, до неприличия вылинявшие «Левайсы», и посмотрела на часы.

До встречи оставался час. Пора. Накинув легкую куртку, глянула в зеркало. Конечно, узнай Аня, что она в таком виде отправилась на встречу с потенциальным работодателем, у нее приключился бы инфаркт.

С другой стороны – вот и посмотрим, действительно ли она так нужна издательству, как уверял вкрадчивый директор, поглядим, насколько шокирует его внешний вид собеседницы.

Несмотря на то, что основные волны спешащих на работу горожан уже должны были схлынуть, на Первомайской вдоль платформы стояла молчаливая людская стена. Таня строилась возле колонны, и вставила в уши «капельки» наушников, отгораживаясь от внешнего мира.

Подожел поезд. Хлынула внутрь напряженное московское месиво, растекаясь по вагону, поспешно плюхаясь на немногие свободные места.

Таня зашла одной из последних, встала, прислонившись к дверям напротив тех, которые открывались на остановках. На ее ветке не было платформ справа, так что, это место было одним из самых спокойных в вагоне. Полуприкрыв глаза, она прибавила громкость, и перестала воспринимать вагон метро.

Рвал сердце Александр Васильев, отстраненно, за гранью отчаянья, бросая в пространство слова Маяковского:

"Выбегу, тело в улицу брошу я.

Дикий, обезумлюсь, отчаяньем иссекась.

Не надо этого, дорогая, хорошая,

Дай простимся сейчас.

Все равно любовь моя – тяжкая гиря ведь —

Висит на тебе, куда ни бежала б.

Дай в последнем крике выреветь

Горечь обиженных жалоб."

– Следующая остановка «Площадь Революции».

Выйти, взбежать по ступенькам перехода на «Театральную». Удачно – как раз подошел поезд в сторону «Тверской». Снова переход, теперь с «Тверской» на «Пушкинскую», остается последний отрезок пути – до остановки «Китай-город». Таня вспомнила что раньше станция

называлась «Площадь Ногина». Еще одно мимолетное воспоминание далекого детства, без спросу всплывшее в памяти.

Татьяна несколько раз бывала в «Эстерхази» и от кафе у нее осталось ощущение приглушенного золотистого цвета, дорогого дерева, бесшумных предупредительных официантов и очень высоких цен. Впрочем, сейчас это значения не имело – приглашали на деловую встречу ее, вот, пусть приглашающая сторона и раскошеливается.

Воспоминание не обмануло – в кафе стояла аккуратная *стерильная* тишина, возле стеклянной витрины с пирожными и десертами негромко переговаривалась пожилая пара. Таня оглядела зал. Большая часть столиков свободна, завтракает лишь несколько мужчин и женщин офисного вида.

Из-за столика у окна поднялся человек в синем костюме, поднял руку, привлекая к себе внимание.

Татьяна подошла, и, не успела она открыть рот, как мужчина сказал:

– Здравствуйте, Татьяна Владимировна. Я Игорь Соловьев. Рад встрече. Присаживайтесь, пожалуйста. Будете что-нибудь заказывать?

Поздоровавшись, Татьяна села за столик. Тут же возник официант с меню. Не открывая его, Татьяна сделала заказ – салат «Цезарь», чашку кофе капучино, стакан апельсинового сока.

И посмотрела на Соловьева, стараясь составить впечатление о человеке. Перед ней сидел характерный представитель вида «топ-менеджер компании средней руки». Неестественно гладенький, чистенький, и абсолютно безликий. Татьяне он напомнил розового пластикового пупса или восковое яблоко – такое же блестящее и неживое.

Единственным и индивидуальным штрихом, пожалуй, был дорого потрепанный мягкий портфель, который Соловьев поставил себе на колени, доставая визитницу.

Протягивая Татьяне визитку, он сказал:

– Искренне надеюсь, что наша встреча пройдет удачно и мы будем долго и плодотворно сотрудничать.

Татьяна взяла кремово-белый прямоугольник, обратив внимание на безупречный маникюр Соловьева. Последний штришок к портрету добавился, она сформировала свое мнение об этом человеке.

– Я тоже на это надеюсь, но, для начала, должна понимать, о каком именно сотрудничестве идет речь. Насколько я знаю, у вашего издательского дома нет изданий, которые могла заинтересовать моя кандидатура. Итак?

– Вы скромничаете, скромничаете, Татьяна! – расплылся в улыбке «человек с маникюром», как обозначила его для себя Татьяна. – Однако, вот ваш заказ. Салат у них всегда очень свежий, так что, давайте поступим так – вы ешьте, а я пока расскажу о нашем издательском доме и его планах. Хорошо?

Разумеется, хорошо. Тем более, что салат действительно оказался исключительно хорош, а свежавыжатый апельсиновый сок приятно щекотал язык.

Соловьев засыпал ее округлым и политкорректными фразами о миссии издательского дома, корпоративных ценностях, необходимости современного менеджмента, требованиях времени и лидирующем положении на рынке.

Чем больше Татьяна слушала, тем четче формировалось ощущение – все эти слова ничего не значат. Они лишь дымовая завеса, отвлекающий маневр.

Она постаралась сосредоточиться, перестать воспринимать отдельные слова, не заикаться на звуках, издаваемых человеком напротив. Ей это удалось, и вскоре она стала ощущать его как цельный образ. Этому приему ее научила еще в студенческие годы мама. Она советовала – если что-то в словах собеседника начинает смущать, перестань слушать звуки, постарайся следить за его губами, движением рук, выражением глаз, мимикой. Причем делать это

нужно, держа собеседника как бы немножко не в фокусе. Тогда удастся поймать образ человека и его эмоции целиком, понять суть его помыслов.

Именно это сейчас и проделывала Татьяна, задумчиво накалывая на вилку листики салата и кусочки куриного филе.

Почти сразу она убедилась в том, что директор по развитию отчего-то нервничает. А еще – что никакое сотрудничество он ей предлагать не собирается, оттого и плетет словесные кружева, пытаясь выкрутить на настоящую тему беседы. И все больше нервничает, поскольку Татьяна ведет себя не так, как он рассчитывал. Поняв это, она с искренним удовольствием принялась и дальше «раскачивать» собеседника. То есть – не реагировать никак, не задавать уточняющих вопросов, не выказывать заинтересованности.

Наконец, ключевое слово прозвучало – Вяземский.

– Разумеется, свою роль в нашей заинтересованности сыграло ваше блестящее интервью с господином Вяземским, – умело подпустив восхищения в голос, сказал Соловьев. – Так что, мы, безусловно, заинтересованы в сотрудничестве с журналистом такого класса.

– Я польщена, – коротко ответила Таня, и замолчала, неторопливо потягивая апельсиновый сок.

Как она и рассчитывала, дальнейшие вопросы крутились вокруг Вяземского. Таня отвечала умышленно односложно, гадая, что именно нужно от нее этому восковому человечку.

Достав из кармана пиджака какой-то предмет, Соловьев принялся ловко крутить его в руке. Тонкий овал размером с большую старинную монету приковал внимание девушки. Таня поняла, что не может оторвать от него глаз. Соловьев необыкновенно ловко вращал его между пальцев, затем резко закрутил, заставив вращаться на столе подобно волчку.

Тане показалось, что от диска-монеты исходит неясный гул.

Мир сузился до размеров стола, затем, до размеров вращающегося черного диска. Откуда-то из неведомой дали доносился необыкновенно приятный голос ее хорошего друга Игоря Соловьева. Он спрашивал, рассказывал ли ей Вяземский что-нибудь о дымном или туманном зеркале. Упоминал ли «лицо обсидиана».

Внезапно она почувствовала ледяной укол чуть ниже ключичной впадины. Кольцо отрезвляющей стужи сжало шею. Казалось цепочка и кулон, подаренные Вяземским, вобрали в себя весь холод суровых северных зим, всю свежесть морозного утра в лесу. У Тани было ощущение, что только что ей кто-то жестко, но дружески растер лицо снегом.

Хотелось надеяться, что выражение лица ее не выдало, и удастся заставить говорить Соловьева дальше.

Она ответила сонным голосом:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.